

1855.

№ 26
1855

К А В К А З С К И Й

6 Апрель,

СРЕДА.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшій приказъ: по военному вѣдомству 4—13 марта и по гражданскому—8 марта. Извлеченія изъ приказовъ Гл. Нач. Воен.-учеб. Заведеній. Вѣрноподданническое изъясненіе чувствъ Гвардіи и Гренадеръ. Всепод. донесенія Губ. Предв. Дворянства. Извѣстія изъ Крыма. 27-е февраля. Воспоминанія о Чеченской экспедиціи. 25-е декабря 1808 г. **КАВКАЗЪ:** Тифлисъ. **ФЕЛЬЕТОНЪ:** Замѣтки тифлискаго фельетониста. **ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ:** Извѣстія съ Чернаго Моря. Англія. Франція. Австрія. Пруссія. Турція. **УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:** Древняя Мексія (продолженіе.)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДИРОВАННЫМЪ.

Марта 4-го дня 1855 года. Назначается. По Пѣхотѣ. Тульского Егерскаго полка Штабсъ-Капитанъ **Александръ 4-й**, Адъютантомъ 2-й бригады 18-й Пѣхотной дивизіи.

Марта 6-го дня. Назначается. По Иррегулярнымъ войскамъ. Гребенскаго Ливійскаго Казачьяго полка Войсковой Старшина **Графъ Ржевускій**, для особыхъ порученій къ временно-Командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, съ зачисленіемъ по Кавалеріи, Маіоромъ. **Переводится.** Тенгинскаго Пѣхотнаго полка Подполковникъ **Маллеръ**, въ Ладожскій Егерскій полкъ.

Марта 7-го дня. Увольняются: *Отъ службы.* По Пѣхотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка Подпоручикъ **Мировичъ**, за ранами, Поручикомъ. *За болѣзнію.* По Арміи. Командиръ Кавказскаго Ливійскаго баталіона № 7-го, состоящій по Арміи Подковникъ **Завьяковскій**, По Ливійнымъ баталіонамъ. Грузинскаго Ливійскаго баталіона № 2-го Штабсъ-Капитанъ **Бараниковъ**, Капитаномъ,—въ трие съ мундиромъ и съ пенсіонами: первый полнаго жалованья, второй полнаго оклада, опредѣленнаго Уставомъ 6-го декабря 1827 года, а послѣдній одной трети жалованья.

Марта 8-го дня. Назначается. Адъютантомъ. По Пѣхотѣ. Егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, бывшій Адъютантъ Генераль-Лейтенанта Бѣляскаго 1-го, Капитанъ **Шалимовъ**, къ Начальнику 18-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Лейтенанту Князю Гагарину 1-му. **Переводится.** По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ полковъ: Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго, Штабсъ-Капитанъ **Домбровскийъ**—въ 7-й запасный баталіонъ этого полка. По Внутренней гварадіи. Харьковского Внутренняго Гарнизоннаго баталіона Подпоручикъ **Малыгинъ**, въ Бѣлевскій Егерскій полкъ.

Марта 9-го дня. **Переводится.** По Кавалеріи. Кавалергардскаго Ея Величества полка Корнетъ **Ржевскій 2-й**, въ Драгунскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полкъ, Поручикомъ. По Пѣхотѣ. Литовскаго Егерскаго полка Прапорщикъ **Фридрихъ**, въ 8-й запасный баталіонъ этого полка. **Увольняется.** *Въ отпускъ.* По Иррегулярнымъ Войскамъ. Донскаго Казачьяго № 2-го полка Войсковой Старшина **Грековъ**, на Довѣ, на два мѣсяца.

Марта 11-го дня. **Зачисляется.** По Пѣхотѣ. Виленскаго Егерскаго полка Штабсъ-Капитанъ **Пасальскій**, по Арміи, съ назначеніемъ Смотрителемъ воинскихъ зданій въ г. Херсонѣ. **Исключаются:**

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Замѣтки Тифлискаго Фельетониста.

Свѣтлая недѣля прошла у насъ обыкновенною чередой. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время, если не весь Тифлисъ, то главнѣйшая и больша часть его населенія, по преимуществу молилась, молилась и молилась, будучи погружена въ современные завѣтные помыслы. Въ понедѣльникъ было архіерейское служеніе въ Анчисхатскомъ Соборѣ—древней резиденціи Католиковъ Грузинскихъ, гдѣ находится нерукотворенный Образъ Спаса, возбуждающій благоговѣніе по своей чудотворной силѣ и по тому, что преданіе относитъ эту икону ко временамъ незапамятнымъ, считая ея современною царю элесскому Авгарю... Усердіе Грузинъ богато украсило эту святыню золотомъ ризой и дорогими камнями.—На другой день, во вторникъ, происходило также духовное торжество—освященіе новой Гимназической церкви, о которой недавно было упомянуто въ одномъ изъ фельетоновъ «Кавказа». Объ этомъ торжествѣ говорить сегодняшняя наша городская хроника; но и тифлисскій фельетонистъ считаетъ не лишнимъ прибавить о немъ нѣсколько сообщенныхъ ему подробностей.

Вновь-устроенная въ тифлискомъ гимназическомъ зданіи церковь по величинѣ, послѣ Сіонскаго Собора, едва ли не больше всѣхъ здѣшнихъ православныхъ церквей. Иконостасъ сдѣланъ подъ руководствомъ кн. Гагарина, по составленному имъ рисунку, на фабрикѣ картонно-каменной массы. Образа: Спасителя, Божіей Матери, Архангела Ми-

хаила, Архангела Гавріила, Святителя Николая, Св. Александра Невскаго, Великомученика Георгія, Апостола Андрея Первозваннаго, Иверскія Божіи Матери, Св. равноапостольной Нины, Тайной Вечери и Четырехъ Евангелистовъ съ Благовѣщеніемъ на Царскихъ вратахъ написаны прѣхавшимъ изъ Москвы иконописцемъ Мининымъ.

Внутреннее устройство и отдѣлка церкви поручены Г. Попечителемъ Кавк. Учеб. Округа Законоучителю Тиф. Губернской Гимназіи, Протоіерею Іоакиму Романову, какъ настоятелю, и слѣдовательно, какъ ближайшему лицу, на которомъ непосредственно лежитъ святая обязанность пе-

диться о благосостояніи и благолѣпіи сего храма. Кромѣ денегъ, отпущенныхъ на этотъ предметъ, по ходатайству г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, изъ экономическаго капитала Округа, поступило отъ разныхъ лицъ много пожертвованій, изъ которыхъ самое значительное—гражданина Истоманова, пожертвовавшаго собственно на устройство иконостаса 1400 р. с. Церковная утварь болѣею частью выписана изъ Москвы и С.-Петербурга. Вообще во внутреннемъ устройствѣ церкви видны и благоговѣнная заботливость лица, которому оно было поручено, и благотворительность здѣшнихъ жителей, всегда готовыхъ принести усердную лепту на олтаре Господень и наконецъ попечительность начальства о благоустройствѣ учебно-воспитательнаго заведенія, ему вѣреннаго,—попечительность, вполне доказывающая, что оно даетъ надлежащую важность религіи въ воспитаніи, и потому желаетъ приучить воспитывающихся въ Гимназіи, съ самаго ихъ дѣтства, къ мысли, что изящная отдѣлка Храма Господня, располагая душу къ молитвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сближаетъ ея съ Творцемъ всѣхъ художественныхъ величій природы.

Въ этотъ-же промежутокъ времени мы были свидѣтелями

сея изъ списковъ: Убитые въ дѣлѣ противъ Горцевъ, Кубанскаго Егерскаго полка: Капитанъ **Штегманъ** и Прапорщикъ **Новалевскій**. Умершій. По Ливійнымъ баталіонамъ. Черноморскаго Ливійнаго баталіона № 3-го Поручикъ **Венцлавичъ**.

Марта 12-го дня. Увольняется отъ службы за болѣзнію. По Пѣхотѣ. Егерскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка Подполковникъ **Манинъ**, Подковникомъ, съ мундиромъ и съ пенсіонами полнаго жалованья.

Марта 13-го дня. Увольняется. *Въ отпускъ.* По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртебергскаго полка Штабсъ-Капитанъ **Мендець**, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, за границу, къ Высвѣденскимъ минеральнымъ водамъ, на шесть мѣсяцевъ.

Высочайшимъ приказомъ по Военному вѣдомству о чинахъ Гражданскихъ, Марта 6-го дня 1855 года. **Производится.** *За выслугу лѣтъ: Со старшинствомъ: изъ Коллежскихъ Секретарей въ Титулярные Советники.* Бухгалтеръ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса **Тихановъ**, съ 30-го Ноября 1854 года.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по Гражданскому вѣдомству, отъ 8-го Марта 1855 года, за № 45, оставшій Подковникъ Князь **Джамбакуріанъ-Фрбелани**, утверждёнъ по выборамъ Тифлисскихъ Губернскихъ Предводителей Дворянства.

— Государь Императоръ, по засвидѣствованію Командовавшаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, о храбрыхъ дѣйствіяхъ Грузинской Кошней Дружины охотниковъ въ блистательной побѣдѣ при пораженіи и прислѣбованіи Турецкаго корпуса войскъ за р. Чолокомъ 4-го іюня 1854 года. Всемилоостивѣйше соизволивъ, согласно воли въ Бозѣ почившаго Императора Николая 1-го, пожаловать сей Дружинѣ Георгіевское знамя съ надлежащею надписью.

О таковой Монаршей милости объявляю по Военному вѣдомству, для надлежащаго свѣдѣнія.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса, Генераль-Маіоръ **Лихонинъ**, на основаніи 6 пункта 924 ст. III тома Свода Воен. Постановл., донесъ, что выпущенный изъ вѣреннаго ему Заведенія, въ 1832 году, служившій впоследствии въ Мингрельскомъ Егерскомъ полку, Маіоръ **Добровинъ**, командированный 7-го іюня 1853 года, съ двумя ротами,

для прикрытія фуражировъ, будучи атакованъ Горцами, въ одно время съ фронта, фланга и тыла, удержавъ штыками первый натискъ Горцевъ, убитъ пулею въ животъ.

Вслѣдствіе сего предписываю: имя означеннаго Штабъ-Офицера внести на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви 1-го Кадетскаго Корпуса.

(*Января 21-го дня 1855 года, № 2,017-й, пунктъ 7-й.*)

— На основаніи 6 пункта 924 ст. III тома Свода Военныхъ Постановленій, предписываю внести на черную мраморную доску, находящуюся въ церкви 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, имя бывшаго воспитанника сего Заведенія (выпущенъ въ 1851 году), Прапорщика Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Воронцова полка **Сиротенко**, который, какъ по справкѣ въ дѣлахъ Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства оказалось, въ сраженіяхъ противъ Турокъ: 19-го ноября 1853 года при Башъ-Кадикъ-Дарскихъ высотахъ, раненъ пулею въ ногу, а 27-го мая 1854 года при селеніи Ланчхуты, близъ Нигонтскихъ высотъ, убитъ.

(*Февраля 7-го дня 1855 года, № 2,023-й, пунктъ 6-й.*)

Вѣрноподданническое изъясненіе чувствъ Гвардіи и Гренадеръ, представленное Его Императорскому Величеству 7-го марта сего года Командирами: Гвардейскаго Корпуса, Генераль-Адъютантомъ **Сумароковымъ**, Гренадерскаго Корпуса, Генераль-Адъютантомъ **Плаутинымъ**, Командующимъ войсками въ Петербургѣ и окрестностяхъ, Генераль-Адъютантомъ **Арбузовымъ** и Бывшимъ Начальникомъ Штаба Главноткомандующаго Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами, Генераль-Адъютантомъ **Витостовымъ**.

Государь!

Всемилоостивѣйшія слова Твои, сказанныя Гвардіи и Гренадерамъ въ 20-й день февраля, глубоко проникли въ вѣрныя сердца имѣвшихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ величайшее счастье быть подъ непосредственнымъ Начальствомъ Твоимъ.—Да благословитъ Тебя Всемогущій Богъ на великій подвигъ, на который Онъ Тебя призываетъ! Да дастъ онъ Тебѣ гений и дѣянія Петра, вѣдніе сердецъ Екатерины, благословеніе Александра и убѣжденія и духъ бессмертный Николая! Да утвердитъ Всесильная

еще двухъ другихъ, уже собственно *народныхъ* праздниковъ въ Тифлисъ: *Додоба* или *Джоджооба* и *Кеира-Цховлоба*. Скажемъ сначала о первомъ, совершающемся ежегодно въ свѣтлый понедѣльникъ.

Святый *Додо* (დოდო) причтенъ къ лику святыхъ Грузинской Церкви, и память его празднуется 14 мая. Лѣтописи ея повѣствуютъ, что св. Додо былъ родомъ Грузинъ и жилъ при св. Давидѣ *Гаресджели* (въ исходѣ V в. по Р. Х.), въ качествѣ послушника, въ то самое время, когда тотъ подвизался на уединенной горѣ, получившей впоследствии названіе *Мта-цмиоба*, т. е. святой горы, такъ-какъ она была освѣщена пребываніемъ на ней великаго угодника. Но не на долго продлилось уединеніе, котораго столько желалъ и искалъ ев. анахоретъ, жаждавшій исключительной, созерцательной жизни и богомысліи, ничѣмъ не нарушаемаго. Къ св. Давиду отовсюду начали стекаться набожные посѣтители. Но онъ, убѣгая суетной мірской славы, которая быстро распространилась по всей Грузіи, о его чудныхъ исцѣленіяхъ и мудрыхъ наставленіяхъ, удалился на время по ту сторону рѣки Куры въ мѣсто, тогда дѣлсное и необитаемое, съ которымъ нынѣ соприкасается юговосточная оконечность тифлискаго предмѣстья *Алабари*. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Додо, укрылся отъ народной молвы въ той самой пещерѣ, какъ гласитъ преданіе, которая высится надъ скалистою береговою кручею и служитъ мѣстомъ описываемаго праздника. Но и тутъ отшельники прожили не долго; народная молва и здѣсь ихъ открыла. Это заставило св. Давида навсегда удалиться въ отдаленную и бесплодную пустыню *Каралъ*, въ окрестностяхъ нынѣшней деревни Сагареджо, и основать тамъ монастырь, знаменитый впоследствии множествомъ подвижниковъ и существующій донныи подъ назва-

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

Государь!

На другой день нападающие взяли 24 ружья, 14 охотничьих поясов, наполненных порохом и пулями, свинец, двенадцать ящиков съ платьем, кофе и другие товары. Почти все эти вещи принадлежали несчастным жертвам преступления. Потом дано было приказание снять осаду, ибо зловолие от трупов сделалось нестерпимым. Сколо 900 трупов лежали в пещеры, а внутри ее вероятно было их гораздо больше.

За темъ войска двинулись далее внутрь страны; тамъ селения были оставлены жителями, и войска захватили 3,300 головъ крупнаго скота и множество барановъ и овецъ. Экспедиція продолжалась два мѣсяца. Генералъ Преторіусъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 500 человекъ съ 116 фургонами и двумя полевыми орудіями. У него выбыло изъ строя только 2 человека.

Изъ колоніи Портъ-Паталъ пишутъ, что предводитель Душани строго былъ наказанъ за свои вторженія въ англійскія земли. У него отнято 1,400 головъ скота.

Эти двѣ экспедиціи произвели отличное дѣйствіе; энергія Англичанъ и Голландцевъ поразила дикарей ужасомъ и, по-видимому, упрочить за колоніею продолжительное спокойствіе и безопасность.

29-го января все было спокойно на границѣ, и никто не боялся поваго вторженія дикарей. Впрочемъ, колонисты были готовы на всякій случай.

Франція. Парижъ, марта 13-го. (Ind. V.) Въ сегодняшнемъ Монитерѣ обнародована военная конвенція, состоявшаяся между Франціею, Англіею и Пиемонтомъ.

— Изъ Парижа пишутъ въ Indépendance Belge отъ 12-го марта:

«Считаю почти излишнимъ сообщать вамъ, что за отсутствіемъ официальныхъ извѣстій о мирѣ, все военныя приготовленія продолжаются съ большою дѣятельностію, чѣмъ когда нибудь. Я уже извѣщалъ васъ о сформированіи восточной арміи, для восточныхъ границъ Франціи. Теперь сообщу нѣсколько подробностей о другомъ подобномъ проектѣ, который можно назвать официальными.

«Маршалъ Бараге д'Илье будетъ командовать двумя корпусами арміи, занимающими четыре лагера близъ Булони; эти два корпуса, состоящие изъ четырехъ дивизій, получаютъ названіе сѣверной арміи. Генералъ Гуйонъ назначается начальникомъ главнаго штаба при маршалѣ Бараге-д'Илье. Но третій корпусъ, расположенный лагеремъ близъ Сентъ-Омера, остается подъ начальствомъ генерала Гесвиля. Императоръ сохраняетъ титулъ главнокомандующаго всѣхъ трехъ корпусовъ.

«Семьдесятъ пять воспитанниковъ политехнической школы (сверхъ обычнаго числа ихъ) подверглись испытанію и во время Пасхи должны вступить въ практическую школу, въ Мецъ, чтобы потомъ быть офицерами въ арміи; даже тѣ, которые назначали себя для гражданскаго поприща, не могли не заплатить своей даніи нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

«Здѣсь ходитъ довольно странный слухъ, за справедливость котораго я не могу поручиться. Говорятъ, что возобновлены дипломатическія сношенія между Австріею и Пиемонтомъ, и что послѣ многихъ конференцій, происходившихъ съ согласія Франціи, отправленіе сардинскихъ войскъ въ Крымъ отложено, ибо, какъ увѣряютъ, войска эти получаютъ другое назначеніе. Нѣкоторые думаютъ, что такъ какъ недостаточно однихъ турецкихъ войскъ для сохраненія порядка въ провинціяхъ Турціи, то сардинскій корпусъ назначается для занятія Сиріи и Дамаска. Тяжкое положеніе Порты пробудило Друзовъ и Маронитовъ.

«Жалобы ливанскаго населенія на притѣсненія пашей не были приняты въ Константинополь, или лучше, турецкое министерство, продолжая все откладывать, ничего не сдѣлало въ его пользу, а потому возстаніе въ Сиріи было бы не удивительно. Въ ряду другихъ событій, запутывающихъ восточный во-

прось, возстаніе ливанскихъ христіанъ было бы весьма важно.»

— Одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ газеты Etoile Belge пишетъ отъ 13-го марта:

«Не вѣрьте слухамъ о томъ, будто отъѣздъ Императора отложенъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой перемѣны. [Недавно еще Императоръ сказалъ одному изъ высшихъ сановниковъ: «Содержите постоянно въ готовности къ отъѣзду дюжину ловкихъ парней.» Г. Піетри не такой человекъ, чтобы не изготовить свиту, которую считаетъ необходимою каждый разъ какъ Императоръ отлучается. Извѣстно, что во время путешествія его въ южную Францію, свита эта безотлучно находилась при немъ.

«Могу увѣрить васъ, что г. Ведель пріѣхалъ изъ Берлина съ такими инструкціями, которыя не подають ему никакой надежды на успѣхъ въ переговорахъ.

«Увѣряютъ, что г. Оксенбейнъ, живущій теперь въ Безансонѣ, съ большимъ трудомъ наберетъ солдатъ въ швейцарскій легіонъ.»

— (Const.) Марта 17-го. Здѣсь все еще продолжаютъ ходить слухи о предстоящемъ путешествіи Императора въ Крымъ. По мнѣнію газеты Zeit, Лудовикъ-Наполеонъ отложилъ свое путешествіе съ цѣлью выждать первыхъ результатовъ вѣнской конференціи. Впрочемъ, не смотря на продолжающіяся приготовленія къ отъѣзду, газета Zeit полагаетъ, что путешествіе Императора въ Крымъ не есть ничто окончательно рѣшенное.

— Корабли Donauwert и Zénobie вышли изъ Тулона въ Константинополь 14-го марта, а корабль Tigeppe 15-го числа. На этихъ корабляхъ отправлены въ Крымъ войска и военные запасы. На первыхъ двухъ помѣщенъ 47-й полкъ.

Австрія. Вѣна, 10-го марта (N. P. Z.) Въ девятый день послѣ кончины блаженной памяти Императора Николая Павловича, въ церкви здѣшняго русскаго посольства вторично совершена панихида, при которой присутствовали князь Горчаковъ, тайный совѣтникъ Титовъ и все члены посольства, равно большая часть дипломатическаго корпуса. Кромѣ того, замѣчены между присутствующими многіе высшіе военные чины и другія знатныя особы, въ томъ числѣ фельдмаршалъ князь Виндингрецъ, князь Турнъ-и-Такисъ, оберъ-гофмейстеръ Ея В. Императрицы, фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Вальмодеи, графъ Кевенгиллеръ и проч.

— (J. de St.-P.) Въ вѣнскихъ журналахъ извѣщаютъ о депешѣ, разосланной Австріею ко всѣмъ ея представителямъ при германскихъ дворахъ, въ которой вѣнскій кабинетъ объявляетъ себя противъ намѣренія Пруссіи усилить гарнизоны союзныхъ крѣпостей въ западной части Германіи. (Въ статьѣ, содержаніе которой сообщается ниже, прусская газета Zeit объявляетъ такое предположеніе Австріи совершенно неосновательнымъ).

— (J. de St.-P.) По словамъ Силезской Газеты, кажется несомнѣннымъ, что Англія рѣшилась соблюдать умѣренность, тогда какъ, по-видимому, нельзя сказать, того же о Франціи. Въ случаѣ, однакожь, если притязанія послѣдней будутъ простирались слишкомъ далеко, Австрія предложитъ, какъ ожидаютъ, свое посредничество для смягченія ихъ, и надѣются, что голосъ ея будетъ внятъ. Что до Россіи, то она будетъ вести переговоры на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, которыя были приняты при почившемъ въ Бозѣ Императорѣ Николаѣ I, и инструкціи уполномоченныхъ этой державы не потерпѣли ни малѣйшаго измѣненія.

Пруссія. (J. de St.-P.) Вопреки сомнѣніямъ многихъ журналовъ въ подлинности австрійской депеши отъ 28-го февраля (къ Германскимъ Дворамъ), содержаніе которой было сообщено въ Indépendance Belge, газета Zeit объявляетъ, что этотъ дипломатическій документъ дѣйствительно существуетъ, хотя онъ и не былъ сообщенъ берлинскому кабинету ни официально, ни конфиденціально. Впрочемъ, по словамъ этого журнала, онъ основанъ на со-

вершенно ложныхъ посылкахъ, ибо Пруссія никогда не представляла и даже никогда не объявляла о своемъ намѣреніи представить тѣ два предложенія, противъ которыхъ направлена полемика австрійской депеши, а именно: 1) предложенія объ усиленіи союзныхъ крѣпостей на западъ и 2) предложенія о сосредоточеніи австрійскаго союзнаго участка въ предѣлахъ германскаго союза. Zeit замѣчаетъ, что, для разъясненія этого страннаго недоразумѣнія вѣнскому кабинету было бы гораздо проще обратиться къ берлинскому, тогда какъ это прямое вліяніе на Германскіе Дворы, посредствомъ депеши то открытой, то конфиденціальной, въ пользу Австріи и во вредъ Пруссіи, совершенно противно германскому единству и учрежденіямъ Союза, который, для всѣхъ вопросовъ, касающихся общаго интереса, имѣетъ своимъ единственнымъ и признаннымъ органомъ Германскій Сеймъ. Въ заключеніе, газета Zeit объявляетъ, что Пруссія отвѣчала на эту депешу графа Буоля, выставивъ на видъ все, что заключалось въ ней неточнаго и неосновательнаго, и ссылаясь въ особенности на то, что Австрія, одобрявшая союзное рѣшеніе отъ 23-го февраля, тѣмъ самымъ лишилась права отрицать побудившіе ее къ тому доводы, а тѣмъ болѣе протестовать противъ этихъ доводовъ передъ германскими государствами, которыя участвовали въ упомянутомъ рѣшеніи (за исключеніемъ Пруссіи). Газета Zeit находитъ, что такой образъ дѣйствій также не согласенъ съ принятыми формами, какъ и съ союзнымъ правомъ.

Турція. (J. de St.-P.) Константинополь, февраля 26-го. Султанскимъ повелѣніемъ Гассанбей назначенъ совѣтникомъ при турецкомъ посольствѣ въ Вѣнѣ.

— Изъ Константинополя, отъ 22-го февраля, пишутъ въ Times:

«Въ то время, какъ турецкія войска выходятъ на берегъ въ Евпаторіи, внутреннему состоянію этой имперіи ежедневно болѣе угрожаетъ неминуемое разрушеніе. Ничто кажется не можетъ спасти этой страны въ ея безсиліи и разрушеніи. Странная дороговизна всѣхъ предметовъ первой необходимости, возрастающее возвышеніе денежнаго курса, все заставляетъ предвидѣть ужасное и неминуемое бѣдствіе. Случайные покупки французскаго и англійскаго комиссаріатовъ распыляютъ по временамъ нѣсколько звонкой монеты на рынкахъ, но это облегчительное средство не значительно, а вопросъ все еще остается нерѣшеннымъ. Турецкое правительство предалось, кажется, безвольному отчаянію. Совѣтъ видятъ бездну, разверстую подъ его ногами, но пораженный безсиліемъ, не можетъ отъ нея уклониться. И паша, и народъ, все равно недовольны. Какъ ни смѣшно слушать мнѣнія мусульманъ, но вскорѣ должно будетъ ихъ приять въ уваженіе. Впрочемъ Турки и Христіане согласны въ одномъ, что владычество союзныхъ державъ можетъ назваться нестерпимымъ притѣсненіемъ. Турки видятъ лучшіе свои памятники въ рукахъ западныхъ народовъ; видятъ, что завоеваніе уже не угрожаетъ ихъ странѣ, а совершилось на самомъ дѣлѣ, и то, чего они опасались въ грозной будущности, превратилось для нихъ въ мрачное настоящее. Скоро-течный энтузіазмъ, который успѣли возбудить противъ Россіи, остылъ теперь совершенно. И самыя мелочи оскорбляютъ турецкій народъ. Онъ чувствуетъ себя униженнымъ, видя, что турецкіе солдаты обязаны на улицахъ отдавать честь англійскимъ и французскимъ офицерамъ, а иностранные солдаты никогда этого не дѣлаютъ даже предъ знатнѣйшими пашами. Русскихъ плѣнныхъ помѣстили въ морскія казармы, выславъ изъ нихъ мусульманъ. Это очень оскорбило Турокъ, видящихъ доказательство, что союзники больше уважаютъ Русскихъ, нежели правотѣрныхъ. Вотъ причины гнѣва!»

Десница Его и насъ, вѣрныхъ сыновъ Твоихъ, надстойное участие въ славу Твою! Горючо, сердечно ревуемъ въ похвалу славы и вѣрности предковъ нашихъ. Да почиетъ надъ нами безсмертный духъ чести и долга, геройства, твердости и доблести незабвеннаго Великаго Императора и Отца Николая I-го; съ благоговѣннымъ удивленіемъ навсегда сохранимъ въ памяти достославный 30-ти-лѣтній примѣръ Его; Онъ вразумитъ каждаго изъ насъ свято исполнять долгъ свой.

Молимъ Всевышняго, да дастъ Онъ Тебѣ, Великій Государь, исполненіе желаній сердца Твоего. — Люби насъ, какъ любилъ Державный Отецъ Твой. Горимъ усердіемъ заслужить любовь Твою, Государь, какъ уже имѣли счастье заслужить милость Твою, Начальника и благодѣтеля. Мы Твоя Гвардія! Не уступимъ шагу врагамъ! Укажи гдѣ стать грудью за Тебя и Отечество и да поможетъ намъ Всемогущій Богъ кровію и смертію запечатлѣть вѣру и вѣрность нашу.

Вѣрноподанные:

Генералъ-Адъютантъ Павелъ *Витовтовъ*.
Николай *Плаутиевъ*.
Сергій *Сумароковъ*.
Алексій *Арбузовъ*.

Всеноданный донесенія Губернскихъ Предводителей Дворянства.

19. Курляндской Губерніи.

Переводъ (*).

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Государь Всемиловѣйшій!

Въ Манifestѣ отъ 14-го декабря 1854 года Ваше Императорское Величество изрече слова, которыя, излившись отъ чувства покорной Богу силы и уповающей на Бога воли, наши отголосокъ во всѣхъ сердцахъ вѣрноподанныхъ Вашихъ и пробудили въ нихъ успокоеніе въ отношеніи къ настоящему и довѣріе къ будущему. Какъ представитель Курляндскаго Дворянства, я почтитаю себя счастливымъ, что могу, отъ его имени, выразить чувства эти, вызванныя здѣсь Императорскимъ словомъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ признательнѣйшемъ воспоминаніи о милости, съ какою Ваше Императорское Величество соблагволили дозволить Курляндскому благородному сословію посвятить его сыновъ служенію Государю, держа повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподанныйшую просьбу:

Благоволятъ принять нынѣ удостовѣреніе въ вѣрно-преданныйшихъ чувствахъ нашихъ и пребыть въ милостивѣйшемъ убѣжденіи въ непоколебимой готовности Курляндскаго Дворянства къ самому охотному и радостному исполненію воли Нашею Августѣйшаго Монарха.

Ваше Императорское Величество вѣрно-

(*). Оригиналъ этого донесенія на нѣмецкомъ языкѣ помѣщенъ въ Русск. Иппидиѣ. Ред.

поданныйшій, Губернскій Предводитель Курляндскаго Дворянства, *Баронъ фонъ-Ганъ*.

Митавъ, 25-го января 1855.

20. Сибирской Губерніи:

1855 года января 31-го дни, въ чрезвычайномъ Собраніи Дворянства Сибирской губерніи, по выслушаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манifestа, даннаго въ Гатчинѣ 14-го декабря 1854 года, постановили: просить Г. Губернскаго Предводителя выразить чувства вѣрноподанныческой преданности Его Императорскому Величеству Сибирскаго Дворянства въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ: «Всемиловѣйшій Государь! Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія выслушавъ Высочайшій Манifestъ отъ 14-го декабря, Дворянство Сибирское съ вѣрноподанныйшею готовностію повергаетъ къ Престолу Твоему и свою жизнь, и свое достоиніе; — все принесемъ мы въ даръ святому и правому дѣлу, все отдадимъ, Государь, и до послѣдняго станемъ въ ряды заступниковъ возвышенной Твоею Россіи. Все за любезнаго Царя, за безопасность и честь Отечества.» Сіе наше постановленіе препроводить къ Г. Сибирскому Гражданскому Губернатору, въ копіи. Подписали: Сибирскій Губернскій Предводитель Дворянства Аксаковъ, Алатырскій Уѣздный Предводитель Дворянства Поповъ, Сеягилевскій Уѣздный Предводитель Дворянства Дубровинъ, Сызранскій Уѣздный Предводитель Дворянства Давыдовъ, Буинскій Уѣздный Предводитель Дворянства Есиповъ, за Карсунскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства Депутатъ Мельгуновъ, Ротмистръ Александръ Бычковъ, Коллежскій Совѣтникъ Дворниковъ, Коллежскій Ассесоръ Анненковъ, Коллежскій Совѣтникъ Груммъ-Гржимайло, Коллежскій Ассесоръ Шидловскій, Гвардіи Штабсъ-Капитанъ Ермоловъ, Штабсъ-Ротмистръ Корольковъ, Надворный Совѣтникъ Третьяковъ, Корнетъ Кашперовъ, Гвардіи-Полковникъ Ермоловъ, Подполковникъ Киндяковъ, Коллежскій Ассесоръ Татариновъ, Титулярный Совѣтникъ Грибовской, Гвардіи Штабсъ-Капитанъ Николай Давидовъ, Полковникъ Ушаковъ, Губернскій Секретарь Мещериновъ, Надворный Совѣтникъ Фатьяновъ, Штабсъ-Капитанъ Юрловъ, Капитанъ-Лейтенантъ Урусовъ, Гвардіи Подпоручикъ Бестужевъ, Коллежскій Совѣтникъ Амбразанцевъ, Коллежскій Регистраторъ Бестужевъ, Надворный Совѣтникъ Каврайскій, Губернскій Секретарь Жаркевичъ, Корнетъ Русеневъ, Статскій Совѣтникъ Сабанинъ, Коллежскій Совѣтникъ Сергѣевъ, Подпоручикъ Есиповъ, Поручикъ Астраханцевъ, Коллежскій Ассесоръ Араповъ, Надворный Совѣтникъ Яровой, Коллежскій Совѣтникъ Зиминскій, Губернскій Секретарь Григорьевъ, Подпоручикъ Князь Тенишевъ, Корнетъ Городецкій, Хорунжій Городецкій, Поручикъ Сабанинъ, Коллежскій Регистраторъ Апраксинъ, Коллежскій Регистраторъ Кудрявцевъ, Коллежскій Совѣтникъ Топорнинъ, Майоръ Бѣловъ, Подпоручикъ Языковъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бобылевъ, Гвардіи Прапорщикъ Карповъ, Коллежскій Ассесоръ Виноградовъ, По-

ручникъ Мажневъ, Штабсъ-Капитанъ Соковинъ, Титулярный Совѣтникъ Родиковъ, Корнетъ Моговиловъ, Поручикъ Юрловъ, Гвардіи Штабсъ-Ротмистръ Акмаговъ, Подпоручикъ Никитинъ, Майоръ Гельпертъ, Поручикъ Моговиловъ, и Секретарь Дворянства Ларионовъ.

21. Оренбургской Губерніи:

Всемиловѣйшій Государь!

Державное слово Вашего Императорскаго Величества огласило храмы наши при сонмѣ молящихся въ первый день наступившаго дѣла.

Въ сердечномъ умиленіи поверглись все предъ Царемъ Царей, съ чувствомъ душевной благодарности, за могучее выраженіе, въ Манifestѣ отъ лица Самодержца, убѣжденій, одушевляющихъ всѣхъ Русскихъ въ продолженіи настоящей брани: увѣренности въ правотѣ своего дѣла и твердой рѣшимости сохранить всецѣло славу Цареву, неприкосновенность предѣловъ Отечества и право охраненія Православія, пріобрѣтенное такими кровавыми жертвами Россіи, — сохранить, хотя бы съ пожертвованіемъ всѣхъ земныхъ благъ.

Въ упованіи на непреложность словъ Евангельскихъ: «претерпѣвый же до конца той спасенъ будетъ», все одушевилось готовностію, по зову Великаго Государя, подражая самоотверженному примѣру юныхъ Чалъ Его, «съ жезломъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ встрѣтитъ враговъ», если надобность того потребуетъ.

Это общее одушевленіе, въ особенности проявится въ сословіи Дворянскомъ, родоначальники коего въ Оренбургской губерніи, въ продолженіи 200 лѣтъ, охраняли обширную полосу рубежа Царства. Нынѣшніе потомки тѣхъ предковъ сочтутъ себя счастливыми доказать, что не забыли прародительскаго примѣра и завѣта.

Эти вѣрноподанныческія чувства Оренбургское Дворянство, чрезъ мое посредство, повергаетъ къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, съ выраженіемъ готовности всѣхъ Дворянъ, по первому повеленію Царскому, принести въ жертву себя и достоиніе свое, для охраненія: Православія, Самодержавія и величія Отчизны нашей.

Ваше Императорское Величество,

Подлинное подписалъ: Вѣрноподанный Николай Дураковъ, Оренбургскій Губернскій Предводитель Дворянства.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА.

Отъ Генералъ-Адъютанта *Барона Остенъ-Сакена*, изъ Севастополя, получено чрезъ Кіевъ телеграфическое извѣстіе, что въ ночь съ 26-го на 27-е минувшаго февраля заложено нами новое укрѣпленіе на разстояніи 300 сажень впереди Корниловскаго бастиона. Работы наши производились успѣшно.

— Въ дополненіе къ этому извѣстію изъ Севастополя, Генералъ-Адъютантъ *Баронъ Остенъ-Сакенъ*

и *Давидъ-гареджійскаго*. Св. Додо и здѣсь не покинулъ своего наставника до самой его кончины. Недалеко отъ Гареджійской обители указываютъ доннынъ маленькую церковь, воздвигнутую святымъ Додо, гдѣ онъ кончилъ свое богоугодное поприще и въ которой погребены его земные останки.

Мы сказали, что память св. Додо празднуется въ мѣсяцѣ, между тѣмъ въ Тифлисѣ посвящаютъ этому святому понедѣльникъ свѣтлой седмицы. Причину такого разногласія во времени празднованія нужно искать, гадательно, въ слѣдующемъ обстоятельстве: На другой день Пасхи Грузинская Церковь совершаетъ память 300 отшельниковъ Давидъ-гареджійской пустыни, убіенныхъ Лезгинами въ самый день Свѣтлаго Воскресенія. Такъ-какъ св. Додо считается въ числѣ первыхъ подвижниковъ той же самой пустыни, то очень могло случиться, что простой народъ счелъ умѣстнымъ праздновать память и его, вмѣстѣ съ прочими мучениками, въ одно и тоже время, а пещера въ окрестностяхъ Тифлиса — безмолвная свидѣтельница пребыванія въ ней Святаго, естественно, послужила мѣстомъ религіознаго почитанія и поклоненія.

Съ теченіемъ времени праздникъ измѣнялъ свое первоначальное названіе *Додооба*, а теперь онъ слышѣтъ въ устахъ простаго народа подъ именемъ *джоджооба* (*dzodzoba*); звуки послѣдняго названія мало разнятся отъ черваго, очевидно напоминая, что одно послужило кореннымъ основаніемъ другому. *Джоджо* по-грузински значитъ ящерица. Исканіе отчасти не произошло ли также и отъ того, что въ прибрежныхъ скалахъ водится множество ящерицъ?

Не смотря на то, что доступъ къ пещерѣ по узкой тропѣ, причудливо извивающейся на самомъ краю обрывистаго берега, не безопасенъ, посѣтители и особенно посѣтительницы цѣлый день сменяютъ другъ друга, спускаясь въ пещеру, чтобы помолиться въ ней и затѣлить свѣчу передъ образомъ, который выносятся на этотъ день изъ Анчисхатскаго Собора. Ихъ не страшитъ песчаная крутизна, угрожающая паденіемъ въ бушующую Куру, которая въ этомъ мѣстѣ нарушаетъ свою обычную тишину и

съ шумомъ катитъ мутныя воды.

Суевѣріе примѣшало къ священнымъ воспоминаніямъ этого дня странный обрядъ, основанный на убѣжденіи, что если у которой либо изъ пилигримокъ есть родственники въ заточеніи, или въ плѣну у враговъ, или близкія сердца и нетерпѣливо-ожидаемая лица находятся въ далекомъ отсутствіи, то желаніе сердецъ ихъ въ этомъ отношеніи сбудется: отсутствующіе воротятся съ миромъ, а заточенники и томимые въ плѣну получатъ свободу, — и вотъ подъ влияніемъ какого предзнаменованія: становясь на колѣна, модельщицы какъ-бы вопрошаютъ *джоджо* о занимающемъ ихъ предметѣ; если ящерица, не обинуясь, взглянетъ на нихъ прямо въ лицо, то это вѣрный знакъ, что все будетъ хорошо; въ противномъ же случаѣ, нельзя рассчитывать на исполненіе своихъ думъ и надеждъ. — Иныя оставляютъ въ пещерѣ куски сахара, а на другой день навѣдываются; если лакомые кусочки исчезли, то все желаемое удастся, — и на оборотъ.

Въ нынѣшнемъ году на мѣстѣ праздника весь день неумолкаемо раздавался шумъ и говоръ собравшагося народа, состоявшаго изъ представителей всѣхъ націй, населяющихъ Тифлисъ; кто пришелъ сюда изъ любопытства, а большая часть изъ набожнаго усердія. Здѣсь были и Татары въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шапкахъ, поглядывавшіе вокругъ себя «съ важностію лица», такъ свойственною сынамъ Востока, и Армяне, и Грузины, на этотъ разъ немощіе любовно вникать зурить, потому что она, какъ и всякое шумное выраженіе общественаго веселья, — теперь неумѣстна и несвоевременна.

Женщины располагались отдѣльно; Грузинки въ белоснѣжныхъ чадрахъ, будго статуи, покрывали живописными группами окраины берега и крыши ближайшихъ домовъ, чтобы посмотреть на другихъ и исподоволь пощеголять собою — своими нарядами, своею красотою, граціозностью движеній, стройнымъ ростомъ.

Во многихъ мѣстахъ, около небольшихъ *ведерныхъ* бурдюковъ образовались кружки испивающихъ, и бесѣдныхъ продолжали до позднихъ сумерекъ, когда уже пришло время и по домамъ... Но долго затѣмъ все еще однако слышались надъ берегомъ то шумныя возгласы, то гортанная пѣсня...

За описаннымъ праздникомъ слѣдовала *Квира-цховлоба* («красная горка» тоже). Этотъ праздникъ, совершающійся на Омино Воскресенье, гораздо многолюднѣе и по популярности. На возвышенности, ограничивающей съ востока предмѣстье Куки, уже наканунѣ было разбито нѣсколько палатокъ и дымилась костры. — Здѣсь находятся каменные остатки церкви, разрушенной во время нашествія Шахъ-Аббаса, и сюда тоже выносятся икона, изображающая Иисуса Христа, являющагося Своимъ Апостоломъ по воскресеніи. На этотъ разъ праздникъ, не оглашавшійся ни зурною, ни звуками полковаго оркестра и полковыхъ пѣсенокъ, не отличался особеннымъ оживленіемъ; да и погода, превратившаяся изъ весенней въ осеннюю, много помѣшала обычному сборищу квира-цховлобы.

— Въ началѣ февраля вышелъ въ свѣтъ и уже полученъ въ Тифлисѣ 7-й томъ втораго изданія Военнаго Энциклопедическаго Лексикона. Въ числѣ многихъ статей сего тома, отличающихся полнотою, отчетливостію фактовъ и занимательностію, укажемъ на слѣдующія новыя, либо исправленныя статьи:

По Военной Исторіи: *Кюрюкъ-Дара* (съ планомъ); по Географіи и Статистикѣ: *Китай*, *Коканское ханство*, *Кронштадтъ* и *Крымъ*; по Морской части, *Корабль* (съ чертежами); по Тактикѣ, *Линей* (съ чертежами); по Фортификаціи, *Крѣпость* и *Линей укрѣпленій*; по Артиллеріи: *Картечь*, *Картечная граната* и *Лабораторныя работы*; Биографіи: *Карлъ-Албертъ*, *Котляревскій* (герой Ленкоранскій), *Крузенштернъ* и *Лазаревъ*. Кромѣ упомянутыхъ плановъ, къ 7-му тому приложены планы: сраженія при *Красномъ* 5-го ноября 1812 года, взятія *Карса*, сраженія при *Кульмѣ* и системы *Кормонтена*.

донести отъ 2-го марта, что, не смотря на сильный огонь осаждающаго, работы въ новомъ укрѣпленіи производятся успѣшно.

Дѣйствіе непріятельской артиллеріи не причиняетъ намъ почти никакого вреда: такъ, 27-го февраля, на одинъ изъ нашихъ бастіоновъ брошено было до 60-ти бомбъ и при семъ только одинъ человекъ раненъ.

Открываемыя нами минныя галереи осаждающаго разрушаются съ постояннымъ успѣхомъ.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи ничего замѣчательнаго не происходило. По показанію плѣнныхъ, въ дѣль 5-го февраля Турки потеряли до 1000 чел. убитыми и такое же число ранеными.

— Изъ Севастополя получено по телеграфу извѣстіе, что 2-го числа сего мѣсяца, турецкая кавалерія выходила изъ Евпаторіи, но была нами опрокинута.

5-го числа, на южной сторонѣ Севастополя, три баталіона Зуавовъ съ значительными резервами пѣхоты нѣсколько разъ напали на наши ложементы, впереди новаго Камчатскаго редута (*), но были отбиты съ большимъ урономъ.

Послѣ этого неудачнаго покушенія, непріятель дѣйствовалъ съ меньшимъ, нежели прежде, настойчивостію, но, къ общему сожалѣнію нашему, 7-го числа убитъ ядромъ Контръ-Адмиралъ *Истоминъ*, 8-го числа, вечеромъ, Генераль-Адъютантъ *Князь Горчаковъ* прибылъ въ Севастополь.

ДОНЕСЕНІЕ О ДѢЛѢ ПОДЪ ЕВПАТОРІЕЮ.

Начальникъ Евпаторійскаго отряда, Генераль-Лейтенантъ *Баронъ Врангель*, доноситъ, что 2-го марта, 8-мъ эскадронамъ турецкихъ уланъ произвели нападеніе на аванпосты вѣреннаго ему отряда.

По извѣстію о семъ, начальствовавшій нашими передовыми постами, Подполковникъ Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ек-Агеринны Михайловны полка *Гудима* рассыпалъ казачьи резервы и въ слѣдъ за ними двинулъ два эскадрона Новомиргородскихъ уланъ, съ двумя орудіями Конно-Легкой № 20 батареи.

По приближеніи къ непріятелю на разстояніи 150-ти сажень, уланы наши раздались, а конная артиллерія открыла картечный огонь.

Турки, пораженные ввезащностію, тотчасъ же обратились въ бѣгство, которое было столь стремительно, что казаки и уланы не могли даже настичь ихъ; только артиллерія наша, при преслѣдованіи непріятеля, провожала его ядрами и гранадами.

Непріятель бросилъ на мѣстѣ 15 тѣлъ. Съ нашей стороны контуженъ Оберъ-Офицеръ 1.

ДОНЕСЕНІЕ О НАПАДЕНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ НА КАМЧАТСКІЙ РЕДУТЪ.

5-го марта, вскорѣ по наступленіи сумерекъ, открытъ былъ изъ непріятельскихъ траншей сильный огонь по нашимъ ложементамъ впереди возведеннаго нами передъ Корниловскимъ бастіономъ Камчатскаго редута.

Вскорѣ непріятель, прекративъ ружейный огонь, открылъ канонаду по редуту со всѣхъ своихъ ближайшихъ батарей.

Въ тоже время три колонны Зуавовъ, предшествуемыя з стрѣльщиками, бросились въ интервалы между нашими передовыми ложементами, намѣреваясь овладѣть редутъ.

Занимавшій этотъ редутъ Полковникъ *Свищевскій* вывелъ изъ укрѣпленія три роты Волинскаго Пѣхотнаго полка, стремительно атаковалъ ими непріятеля и штыками отбросилъ его къ ложементамъ, занятымъ стрѣлками Якутскаго полка, которые, пользуясь разстройствомъ непріятельскихъ колоннъ, ударили на нихъ съ тыла.

Зуавы, поставленные между двумя рядами штыковъ, искали спасенія въ бѣгствѣ.

Непріятель, подкрѣпивъ отброшенные колонны, снова открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь.

Въ слѣдъ за тѣмъ Зуавы бросились вторично на ложементы, но встрѣченные предварительно выведенными изъ редута Полковникомъ *Бялымъ* баталіономъ Якутскаго Пѣхотнаго и двумя ротами Томскаго Егерскаго полковъ, были снова опрокинуты въ свои окопы.

Преслѣдуя по пятамъ отбитаго непріятеля, удалцы наши ворвались въ его траншеи, гдѣ завязался кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ Французы понесли значительный уронъ.

За тѣмъ Полковникъ *Бялый* отвелъ свои баталіоны и построилъ ихъ впереди ложементовъ. Непріятель прекратилъ перестрѣлку по всей линіи своихъ траншей и не возобновлялъ ее въ теченіи цѣлой ночи.

Союзники имѣли рѣшительное намѣреніе, во что бы ни стало, овладѣть нашимъ редутомъ. По показанію плѣнныхъ, въ семъ дѣлѣ участвовало до 12 тыс. непріятельскихъ войскъ.

Потеря непріятеля, судя по упорству ожесточеннаго боя, вообще должна быть весьма значительна. Близъ одного редута оставлено пять до 50-ти тѣлъ. Въ плѣнъ взято нами: Оберъ-Офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 9.

Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 15, ранено: Оберъ-Офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 87.

Въ представленномъ вмѣстѣ съ сими донесеніями журналѣ военныхъ дѣйствій, Генераль-Адъютантъ *Баронъ Остенъ-Сакенъ* упоминаетъ, между прочимъ, что ввечеру 3-го марта сдѣлана была весьма удачная вылазка 700 чел. охотниковъ, подъ начальствомъ Маіора *Рудановскаго*. Штабъ-Офицеръ этотъ раздѣлил свою команду на три колонны, бросился съ ними на занятую Французами траншею и, не взирая на жестокой перекрестный огонь, вытѣснилъ изъ нея непріятеля съ значительною для него потерей.

По приближеніи къ непріятелю подкрѣпленій, Маіоръ *Рудановскій* подалъ сигналъ къ отступленію и совершилъ его въ примѣрномъ порядкѣ подъ картечнымъ огнемъ осаждающаго.

Потеря наша въ семъ дѣлѣ заключается въ 13 убитыхъ и 57 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ плѣнъ взято у непріятеля 9 человекъ.

— Отъ Генераль-Адъютанта *Князя Горчакова* получено изъ Севастополя донесеніе по телеграфу чрезъ Кіевъ, что въ ночь съ 10-го на 11-е марта была сдѣлана сильная вылазка, дабы помѣшать непріятелю производить скорые подступы къ камчатскому лонету. Дѣло кончилось въ нашу пользу и устроенныя въ продолженіи послѣднихъ дней Французами апроши срыты. Уронъ съ обѣихъ сторонъ значителенъ; но потеря непріятеля больше нашей. Взяты въ плѣнъ: 2 французскихъ офицера, англійскій Полковникъ и англійскій Капитанъ.

(Русск. Инвал.)

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Въ Свѣтлое Воскресенье, послѣ Божественной литургіи, совершенной Его Высокопреосвященствомъ, Исидоромъ Экзархомъ Грузіи собранъ и окончившейся въ 3 часа пополудни, всѣ военные и гражданскіе чины города, прямо изъ Сіонскаго Собора отправившись съ поздравленіемъ къ Г. Намѣстнику Кавказскому, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, разгавливались и христосъвались съ Его Высокопревосходительствомъ всѣ находящіеся въ городѣ нижніе военные чины, имѣющіе Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и нашивки изъ галуна.

— Во Вторникъ, 29-го марта, въ день празднованія Иверской Божіей Матери, происходило торжественное освященіе вновь устроенной при благородномъ пансіонѣ Тифлисской Губернской Гимназіи церкви, совершенное Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Исидоромъ Экзархомъ Грузіи. — На освященіи этомъ, кромѣ Г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа и всѣхъ находящихся здѣсь чи-

новъ учебнаго вѣдомства, присутствовали приглашенныя почетныя лица города и всѣ тѣ, которые своими приношеніями способствовали внутреннему благоустройству этого храма.

— 29-го числа вступили въ нашъ городъ изъ укр. Назрани: 6-й Резервный баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка и Донская резервная артиллерійская № 3 батарея; а 31-го прибыли изъ Владикавказа 6-е резервные баталіоны Тифлискаго и Мингрельскаго Егерскихъ полковъ. Всѣ эти войска въ дни ихъ прибытія были осмотрѣны Г. Главнокомандующимъ Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и Намѣстникомъ Кавказскимъ.

— 4-го апрѣля прибыли въ Тифлисъ слѣдующія войска: изъ ст. Бекешинской, штабъ Кавказской Резервной бригады и Кавказскій Резервный Линейный баталіонъ, подъ командою Командующаго бригадою Полковника *Ляпунова*; изъ Александраполя, Сборно-Линейный Казачій полкъ, въ вѣдѣніи Полковника *Камкова*; изъ сел. Солдатско-Александровскаго, резервная батарейная № 19-го батареи 19-й артиллерійской бригады, въ вѣдѣніи Капитана *Шостакова*; изъ сел. Воронцовки, конно-артиллерійская № 15 батарея Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, въ вѣдѣніи Подполковника *Веревкина*.

— Въ тотъ же день выступили изъ Тифлиса въ сел. Марткоби, 6-й Резервный баталіонъ Пѣхотнаго Генераль-Фельдмаршала *Князя Варшавскаго Графа Паскевича Эриванскаго* полка, въ вѣдѣніи Подполковника *Миловскаго*, и въ дер. Каликъ, резервная легкая батарея Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады, въ вѣдѣніи капитана *Баумгартена*.

— 5-го апрѣля, Его Высокопревосходительство, Г. Главнокомандующій Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и Намѣстникъ Кавказскій изволилъ выѣхать изъ Тифлиса, по Кутаисскому тракту, въ Имеретію, Мингрелію и Гурію.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ДРЕВНЯЯ МЕСХІА.

(Статья *Д. Бакрадзе*.)

(Продолженіе.)

IV.

Багратъ III, сдѣлавшись абхазо-карталинскимъ царемъ, перенесъ резиденцію свою изъ Верхней Карталіи и, большей частью, жилъ то въ Кутаисѣ, то въ Упсисихе. Съ этого времени Месхія заняла, въ политическомъ отношеніи, мѣсто третьей степени. Не смотря на то, все продолжала пользоваться преимущественной любовью абхазо-карталинской династіи. Какъ Багратъ, такъ и его преемники, смотрѣли на Месхію, особенно же на Таойскую территорію, какъ на свое вотчинное помѣстье. Потому, въ лѣтніе мѣсяцы и въ свободное отъ государственныхъ занятій время они отправлялись въ Месхію и строили тамъ укрѣпленія и храмы. Титло курапатата не переставали носить Багратъ III, Георгій I, Багратъ IV и Георгій II. Родъ остальныхъ Багратидовъ месхійскихъ прекратился еще при Багратѣ III, который, опасаясь какихъ нибудь съ ихъ стороны замысловъ, однихъ заключилъ въ крѣпость Тмогви, другихъ сослалъ въ Константинополь и всѣ они, въ непродолжительномъ времени, окончили жизнь въ неволѣ. — Месхія снова была раздѣлена на эриставства и управленіе ихъ поручено тамошнимъ уроженцамъ. Въ эту эпоху выдвинулись новыя лица и новыя фамиліи и заслугами своими оставили о себѣ память въ исторіи. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были — Сула, эриставъ казахскій, тотъ самый, кажется, который участвовалъ въ экспедиціи противъ Скерюса и въ Зарзійской церкви оставилъ надпись объ этомъ событіи; онъ игралъ важную роль въ борьбѣ Баграта IV съ могущественнымъ его вассаломъ Липаритомъ; Гамрекелы, которые еще при Давидѣ курапататѣ сдѣлались извѣстны, — ибо объ нихъ говорятъ армянскіе и греческіе историки и вносильству являютъся владѣтелями кантона Тори, прилегающаго къ Месхіи съ восточной стороны и населеннаго воинственными обитателями; — Саргисъ Тмогвель, отличавшійся здравымъ умомъ и поэтическимъ дарованіемъ и обизанный личнымъ достоинствомъ той особенной ролью, которую игралъ при царствѣ Тмаръ и въ слѣдующія царствованія. Наконецъ фамилія Джателей, выступившая на сцену немного раньше Саргиса Тмогвеля и, долгое время сдѣлавъ, давшая Верхней-Карталіи рядъ славныхъ атабеговъ, о которыхъ мы будемъ имѣть случай подробно говорить въ своемъ мѣстѣ. Вообще фамиліи эти стояли во главѣ грузинскаго дво-

(*) Редутъ сей былъ заложенъ въ ночь съ 26-го на 27-е февраля впереди Корниловскаго бастіона.

ринства и занимали лучшія должности при дворѣ. Особенно выдавались они тамъ, гдѣ требовалась сила ума и энергія воли—въ совѣтахъ государственныхъ, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и военныхъ занятій. Почти все они видѣли быстрое возвышеніе царства и его скорое паденіе при появленіи монгольскихъ полчищъ. Мы увидимъ, что они и въ этотъ послѣдній періодъ нисколько не утратили своего вліянія, а напротивъ того, личными качествами и благороднымъ поведеніемъ вынуждали себѣ уваженіе и почетъ у монгольскихъ хановъ.—Месхійскіе мтавары командовали собственными войсками, состоявшими исключительно изъ Месховъ. Они были предоставлены собственнымъ силамъ, когда нужно было защищаться въ своихъ границахъ или итти на пограничныя чужеземныя области, получая помощь отъ царя только въ случаѣ нужды и, въ свою очередь, присоединяясь къ грузинскимъ войскамъ, когда того требовали цари. Месхійскіе воины, какъ показываютъ самые факты, имѣли всегда перевѣсъ передъ карталинскими и имеретинскими воинами. Они были больше проникнуты воинственнымъ духомъ, лучше обучены и потому въ дѣлахъ занимали всегда, вмѣстѣ съ Торійцами, авангардные посты, какъ наиболее трудные. Будучи воодушевляемы способными и рѣшительными начальниками, они бились съ особенной энергіей. Нерѣдко, если вѣрять историку, несравненно малыми силами они разбивали несчетныя полчища неприятелей. Ихъ воинственную отвагу цѣнили и сами монгольскіе ханы и всегда требовали, чтобы войска месхійскія принимали участіе въ ихъ частыхъ и дальнихъ экспедиціяхъ, щедро награждая ихъ труды по окончаніи дѣйствій.

Описываемая эпоха была эпохой благоденствія, слѣдовательно и внутренняго развитія грузинскаго царства. Промышленность и земледѣліе находили тогда всюду поощреніе; народонаселеніе умножалось; архитектурныя памятники во множествѣ покрывали выси и доли; свѣтская и духовная литература дружно развертывались; церковныя дѣла устроены и окончательно утверждены. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Верхняя Карталия заняла самое видное мѣсто. Месхійскіе мтавары особенно поощряли, каждый въ своей территоріи, промышленность и земледѣліе. Многія деревни были населены торговымъ классомъ, состоявшимъ изъ Месховъ, Армянъ и Евреевъ, начавшихъ селиться въ Грузію съ незапамятныхъ временъ. Они пускались въ иностранныя государства, Тривизонтъ, Армению, Сирію и проч., и оттуда караванами вывозили разные товары, распространяя тѣмъ у себя довольство и роскошь.—Вся Месхія была обрабатываемая, преимущественно же центральныя мѣста и оба берега Куры; даже тамъ, гдѣ грунтъ состоялъ изъ вулканическихъ породъ, трудолюбивое населеніе и тамъ умѣло извлекать себѣ пользу. Историкъ говоритъ, что Верхняя Карталия во время голода не разъ снабжала хлѣбомъ остальную Грузію. Сады и виноградники во множествѣ покрывали тѣсныя долины и возвышенныя уступы горъ, не смотря на низкую температуру нѣкоторыхъ изъ нихъ; гдѣ позволялъ климатъ, тамъ разводились и тропическія деревья—оливки, лимоны и померанцы, деревья, которыя послѣ столькихъ вѣковъ, путешественникъ и теперь находитъ въ дикомъ видѣ. Народонаселеніе было многочисленное. Къ сожалѣнію, статистика въ то время не существовала и потому мы не можемъ сказать, какъ великъ былъ его объемъ въ разныхъ округахъ. Замѣтимъ только, какъ и не разъ замѣчали, что оно оставило значительныя слѣды въ округахъ—Аджарѣ, Шавшетѣ, Ерушетѣ, особенно же въ Джавахетѣ и Самцхѣ, и что могущество и слабая зависимость нѣкоторыхъ вассаловъ месхійскихъ отъ царей достаточно доказываетъ, что они владѣли большимъ числомъ крестьянъ и деревень.

Число городовъ и укрѣпленій тоже было увеличено. Мы опишемъ только замѣчательнѣйшіе Ахалкалакъ, Ахалцыхъ и Вардзю. Первые два были возведены на степень городовъ, но только неизвѣстно, когда тотъ и другой были основаны. Первое указаніе на Ахалкалакъ мы находимъ въ исторіи при Багрятѣ IV, въ то время, когда онъ былъ занятъ войной съ Липаритомъ Орбеляномъ: онъ укрѣпилъ это мѣсто, обнесши его каменной оградой; Ахалцыхъ дѣлается извѣстнымъ только при царцѣ Тамарѣ. Первый изъ этихъ городовъ лежитъ въ Джавахетѣ, при слияніи джаваетской Куры и рѣчки Ахалкалакисъ-цкали, послѣдній же находится въ Самцхѣ, омываясь съ юга рѣчкой его имени, съ запада же рѣчкой Лаканъ, составляющими притоки Куры. Ахалкалакъ и Ахалцыхъ занимали выгодныя пункты, укрѣпленные природой и искусствомъ и потому играли, особенно впоследствии, первыя роли. Ахалкалакъ принадлежалъ, какъ кажется, торскому правителю, который отъ его имени иногда носилъ титулъ ахалкалакеля, между тѣмъ какъ Алацыхъ былъ во власти членовъ знаменитой фамиліи Джагелей и отъ имени его они назывались ахалцыхелами.—Если не больше, то по крайней мѣрѣ нисколько не меньше извѣстности заслужила въ грузинской исторіи Вардзю, царская резиденція и потомъ монастырь. Вардзю была

начата Георгіемъ III и окончена его дочерью и наследницей Тамарой. Она находится на южной границѣ Самцхе, по теченію Куры, въ тѣсномъ скалистомъ ущеліи, и составляетъ, вмѣстѣ съ Уплисцихе—карталинской резиденціей около города Гори, образецъ троглодитскаго искусства въ Грузіи: Вардзю вся выстѣнена въ скалѣ и тамъ доселѣ сохранились обширныя царскія помѣщенія и церкви съ орнаментами и живописью, равно какъ и тѣсныя улицы, и обвалившіеся подземные ходы. Вардзю составляла любимое мѣсто царицы Тамары, которая пожертвовала ей обширныя помѣстья. Тамъ же указываютъ многіе, и между ними Дюбуа, самую могилу этой знаменитой женщины.

Мы приводили мнѣніе классическихъ писателей объ умственномъ образованіи Месховъ. Съ древнѣйшихъ временъ, Месхія находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Греціи и она же продолжала дѣйствовать на нее до завоеванія трапизонтской имперіи Турками. Пользу цивилизаціи месхійскіе Грузины должны были особенно ощутить послѣ того, какъ они приняли евангельское ученіе; но вліяніе ея очевидно выказалось при Багратидахъ-куропалатахъ и еще сильнѣе при абхазо-карталинской династіи. Молодые люди, при содѣйствіи монарховъ, отправлялись учиться въ Грецію и, возвращаясь, вступали въ государственную службу или посвящали себя литературнымъ занятіямъ. Лучшая часть извѣстныхъ образованіемъ мужей Грузіи были месхійскіе уроженцы. Къ ихъ числу надобно отнести, напр., Иоанна Шавтели, родомъ изъ Шавшета, и Саргиса Тмогвеля, о которомъ мы уже говорили и котораго гробницу до сихъ поръ указываютъ въ тмогвѣйской церкви. Оба они были приближенные люди и лучшіе совѣтники царицы Тамары; Саргисъ извѣстенъ и какъ секретарь ея и наставникъ грузинскаго царя Давида V, преемника Русудани. Первый написалъ поэму въ честь Тамары и ея втораго мужа Давида-Сослана, второй оставилъ въ прозѣ романъ «Висраміани», который Шота Руставель считаетъ въ своей «Барсовой Кожи» образцовымъ произведеніемъ. Мы не можемъ указать мѣста, гдѣ именно родился самъ Шота Руставель, но мы знаемъ, что и самъ онъ былъ месхійскій уроженецъ. Исторія его жизни покрыта мракомъ, но преданіе говоритъ, что онъ былъ назначенъ царицы Тамары и даже принадлежалъ къ числу генераловъ ея вѣка; что онъ былъ влюбленъ въ эту загадочную женщину и подъ вліяніемъ страсти измѣлъ свою поэму, въ которой, какъ извѣстно, восхваляетъ ее и ея эпоху. «Барсова Кожа»—изящнѣйшее произведеніе грузинской словесности—тоже для Грузіи, что вообще произведенія народныхъ гениевъ другихъ странъ. Формы какъ этой, такъ и другихъ поэтическихъ созданий запечатлѣны чисто-восточнымъ колоритомъ. Поэты черпали вдохновеніе въ персидской поэзіи, дышавшей огнемъ южнаго воображенія и обыкновенно ей же и подражали. Они сдѣлались образцами позднѣйшимъ писателямъ, очистивъ языкъ и давъ ему чрезвычайно-гибкій и игривый тонъ.—Месхія же принадлежитъ слава первыхъ переводчиковъ классическихъ писателей и священныхъ книгъ. Переводъ послѣднихъ былъ начатъ Св. Евфиміемъ въ грузинскомъ монастырѣ, на Аѳонской горѣ, при Давидѣ Куропалатѣ, и тамъ же продолжалъ его заслужившій особенную извѣстность умомъ и жизнью, при грузинскомъ и константинопольскомъ дворахъ, въ царствованіе Баграта IV, уроженецъ ахалкалакскій и настоятель Иверскаго монастыря, Георгіи Мтацминдели (святоторецъ), подъ руководствомъ котораго трудилось цѣлое общество грузинскихъ отшельниковъ. Эти люди создали особенный, церковный языкъ, отличающійся тяжелою конструкціей всѣхъ вообще языковъ духовныхъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Месхійской Церкви. По словамъ исторіи, Верхняя Карталия обращена къ вѣрѣ христіанской Апостоломъ Андреемъ за III вѣка прежде самой Грузіи, при царѣ Адеркѣ, и именно, въ то время, когда ею управляла женщина, по имени Самдзиваръ. Это самое высказалъ Георгій Мтацминдели въ Константинополѣ, въ присутствіи греческаго патріарха, указавъ, въ подтвержденіе себя, на могилу спутника Андреева, Симона Канапита, одного изъ двѣнадцати апостоловъ, погребеннаго въ Анакопій, построенной Греками на границѣ Одиши и Абхазіи. Мнѣніе это, распространенное въ народѣ, часто повторяет-

ся и въ публичныхъ грузинскихъ актахъ⁽¹⁾. Съ времени ап. Андрея становится особенно извѣстнымъ анхурскій храмъ, у входа въ Боржомское ущелье; неизвѣстно, когда основанный, но гдѣ былъ оставленъ св. Андрей, образъ Пресвятой Богородицы, бывшій предметомъ чрезвычайнаго почитанія и заботливости въ послѣдующихъ вѣкахъ и нынѣ хранящійся въ Гелатскомъ монастырѣ, въ Имеретіи. Съ Вахтанга Гургаслана, устроившаго Церковь грузинскую, Месхія имѣла своихъ епископовъ, управлявшихъ паствой въ зависимости карталинскаго католикаса. Грузинскій географъ насчитываетъ множество месхійскихъ монастырей, населенныхъ отшельниками; была даже женская обитель, Тацаръ, которой мѣстоположеніе намъ неизвѣстно, но гдѣ Георгіи Мтацминдели, семи лѣтъ, былъ посвященъ, вмѣстѣ съ сестрой, Богу. Особенно прославилась Иоанно-крестительская лавра, лежавшая на скатѣ Аджарской горы и имѣвшая въ своей зависимости двѣнадцать пустынь со множествомъ монаховъ. Въ эпоху, которую мы описываемъ, верховные месхійскіе пастыри отличались ревностію къ дѣламъ церкви и святостію жизни; нѣкоторые изъ нихъ занимали даже престолъ патріаршій во Мцхетѣ.

(Оконч. въ слѣд. №.)

(1) Bulletin philolog-hist. de l'Acad. des sc., t. I.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФРАНЦУЗСКІЙ МАГАЗИНЪ.

Имѣю честь извѣстить почтеннѣйшую тифлисскую и иногороднюю публику, что на дняхъ получены мною въ большомъ количествѣ различные товары изъ Парижа: до 2000 паръ дамскихъ и дѣтскихъ ботинокъ, значительное количество духовъ, помады и т. п. благовоній издѣлія извѣстнаго Гигіеническаго Общества (Société Hygiénique); бритвы, порт-монна, порт-сигары, дамскіе браслеты, дѣтскія игрушки; а также лѣтніе мужскіе пальто, панталоны и жилеты; соломенные фуражки, вязанныя перчатки изъ шотландской нитки, папиросы изъ настоящаго мариландскаго табаку и, наконецъ,

для Гг. Офицеровъ Кавказскаго Корпуса,

настоящіе лондонскіе пистолеты, изобрѣтенные полковникомъ Кольтомъ и извѣстные подъ названіемъ РЕВОЛЬВЕРЪ. Магазинъ мой, прочемъ всѣмъ въ Тифлисѣ извѣстный, помѣщается на Головинскомъ проспектѣ возлѣ Гимназіи, въ домѣ генерала князя Мухранскаго.

Н. Сагс.

ПРИБЪХАЛИ: апрѣля 2-го: изъ Александрополя капитанъ Бобковъ, изъ Пятигорска штабсъ-капитанъ Ефимовъ. 3-го: изъ Екатеринограда генераль-маіоръ Залевскій, изъ С.-Петербурга подполковникъ Ермолинскій. 4-го: съ Царскихъ Колодець полковникъ Карановъ, изъ Владикавказа штабсъ-капитанъ Любинскій, изъ Ярославля штабсъ-капитанъ Мусливъ-Пушкинъ, изъ Георгіевска подпоручикъ Разнатовскій.

ВЫБЪХАЛИ: апрѣля 1-го: въ Гори генераль-маіоръ князь Багратионъ-Мухранскій, 2-го: въ Екатериноградъ поручикъ Хворостовъ, на Царскіе Колодцы прапорщикъ Павловъ. 3-го: въ Манглисъ коллежскій ассесоръ Булаковъ, въ Эривань полковникъ Ивакицкій. 4-го: во Владикавказъ генераль-лейтенантъ Хрещатицкій, въ Кутаисъ генераль-маіоръ Бруннеръ. 6-го: въ Имеретію, Мингрелію и Гурію дѣйствительный статскій совѣтникъ Крузенштернъ, полк. Казановъ, кол. асс. Пилецкій и Гвардіи поручикъ Жуковъ.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и ч. слѣ по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха.	Барометръ при 13 ¹ / ₂ Р° Русс. полулин.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смоч.					Наим.	Наиб.
1-го Апрѣля.	7 утра.	+ 9,1	+ 7,2	0,69	568,30	З. оч. слаб.	Обл. тошкв.	+ 5,5	+ 20,4
	1 попол.	+ 19,4	+ 10,8	0,26	566,78	Тихо.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 13,9	+ 8,5	0,41	566,05	С. оч. слаб.	— — —		
2-го Апрѣля.	7 утра.	+ 9,2	+ 6,4	0,61	567,44	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	+ 6,1	+ 20,8
	1 попол.	+ 18,6	+ 11,2	0,33	565,53	ЮВ. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 11,6	+ 8,2	0,58	566,75	СЗ. умѣр.	Обл. яств.		
3-го Апрѣля.	7 утра.	+ 8,7	+ 6,0	0,62	567,32	СЗ. сильн.	Обл. разс.	+ 7,2	+ 13,4
	1 попол.	+ 13,2	+ 8,3	0,44	566,25	СЗ. сильн.	Облачно.		
	9 вечер.	+ 6,4	+ 5,9	0,91	567,82	СЗ. сильн.	Облачно и дождь.		
4-го Апрѣля.	7 утра.	+ 6,0	+ 4,8	0,80	569,10	СЗ. сильн.	Облачно и дождь.	÷ 4,6	+ 12,3
	1 попол.	+ 11,9	+ 7,7	0,58	568,86	— — —	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 8,4	+ 5,8	0,62	569,66	С. умѣр.	Обл. на гориз.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЬ. 6-го Апрѣля 1855. Ценсоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

Къ этому № слѣдуютъ: прибавленіе на полулистѣ и особое прибавленіе на листѣ.

27-Е ФЕВРАЛЯ.

(Изъ J. de St.-P.)

Въ торжественную минуту, когда десница Господа отогрѣла надъ Царскою Семьею, когда непонятному и святому Промыслу Его угодно было лишить міръ великаго и достойнаго изъ вѣнценосцевъ, а многочисленный и вѣрный народъ — преждевременно скончавшагося державнаго Пастыря; когда Августѣйшее Семейство и весь великій народъ объять одною глубокою скорбью, — въ эту торжественную минуту Престолъ оплакиваемого Государя и Монархическое начало, которое Онъ представляетъ, озаряется новымъ какимъ-то таинственнымъ блескомъ. Яснее кажется теперь ихъ сила и величіе, ихъ благодѣтельное и могущественное вліяніе, и разумъ, на мнѣніе ослабѣвшій подъ бременемъ общаго несчастія, снова обнѣваетъ надеждою, благословляетъ. Вожделѣнный Промыселъ и, въ самыхъ путяхъ Его вида прославленіе переселинагося въ вѣчную жизнь Государя, въ Немъ находятъ себѣ успокоеніе и опору.

Съ этими мыслями, печальными и грустными, какъ обрѣвавшій меня народъ, ожидалъ я на Дворцовой площади отправления печальнаго шествія съ священными останками благочестиваго и великаго Государя въ соборную церковь Св. Петра и Павла. Небо было чисто и обито свѣтомъ. Казалось, оно желало съ особенною торжественностію озарить послѣдній почестіи Тому, Кому при жизни озаряло столько славныхъ дней. Огромная площадь была полна народа. Онъ былъ величаво спокоенъ и погруженъ въ думу. Только по временамъ быстрое волненіе пробѣгало въ толпѣ, какъ будто невѣдомый вѣтеръ колебалъ ее. Но не было надобности сдерживать эти порывы. Народъ слишкомъ глубоко и близко къ сердцу чувствовалъ свое горе, чтобы не черпать въ немъ свѣтлыхъ силъ. Какъ бы присутствуя при смертномъ одрѣ Покойнаго, онъ говорилъ шепотомъ. Онъ говорилъ о внезапной болѣзни и кончинѣ своего свято-чтимаго Государя, воспоминалъ Его достоинство и доблесть и особенно Его геройское мужество въ трудныя обстоятельства Его жизни. Онъ говорилъ о христіанскомъ самоотверженіи Его въ послѣдней бранѣ, подвѣтливой Имъ за Вѣру священной брани, въ которой Онъ выказалъ столько непоколебимаго и пріямнаго мужества, столько несокрушимой силы и покорности души!

Странна природа человека: пока Государь еще полонъ жизни, въ глазахъ его народа кажется, что онъ никогда не умретъ. Все такъ привыкли видеть въ немъ опору, что стали считать ее вѣчною: непреложные законы, безжалостная смерть забыты всеми... Но когда ужасный ударъ разразится надъ народомъ, отчаяніе овладѣваетъ всеми. Съ изумленіемъ открываютъ въ покойномъ блестящій качества, мало по малу сглаживающіяся для взора отъ привычки видеть ихъ каждый день, но въ эту страшную минуту вдругъ оживающія въ сознаніи во всемъ ихъ блескѣ. Тогда труды, старанія, заботы этого Государя, Его великія мысли, бесанная ночь и тагостные дни, Его правосудіе, попеченія, любовь ко всемъ, могущественная сила Его сердца, вдохновлявшая мужество въ другихъ, великій духъ Его, стоявшій всегда на стражѣ Государства — все это проходитъ передъ изумленными очами. Измѣривъ это чудесное и обширное поприще, тогда лишь спрашиваютъ себя: столько трудовъ и благихъ намѣреній, столько усовершенствованій, уже выполненныхъ или созрѣвшихъ въ мысли, столько помысловъ и святой, страстной преданности державному долгу, такая неутомимая дѣятельность и ревность, не они-ли разстроили въ основаніи драгоценную жизнь Монарха и сократили Его дни, полные суровыхъ трудовъ и лишеній? Тогда лишь въ дѣятельномъ, великодушномъ, правдивомъ и преданномъ долгу Государь открываютъ героя, избранника сердцемъ, великаго мужа.

Обо всемъ этомъ печально бестовалъ между собою народъ, и въ то время, когда колокола всѣхъ церквей оглашали воздухъ своимъ скорбнымъ ропотомъ и надъ вершиною Императорскаго жилища рѣзала обитый крепомъ русской орелъ, когда балконы и окна улицы, которыми должно было проходить печальное шествіе, покрывались трауромъ, рыданія раздавались подъ сводами Дворца. Гробъ Императора окружали теперь Его безутынная Супруга, плачущіе Дети и Внуки, глубоко тронутые воины и слуги. Общественная горестъ была на площади, но здѣсь была горестъ близкихъ, родная, — болѣе острая и жгучая. Скоро въ толпѣ заговорили, что въ ту минуту, когда поднимали священный гробъ, Августѣйшая Вдова, побѣжденная печалью, лишилась чувствъ, и Императоръ, — бывшій въ эту минуту лишь вѣнчанымъ и скорбящимъ Сыномъ, отнесъ Ее на рукахъ въ отдаленные покои...

Между тѣмъ кортежъ изготовился и началъ свое шествіе... Печальная колесница тронулась... И въ эту минуту весь народъ, движеніемъ быстрымъ, какъ мысль, единодушнымъ и вольнымъ, обнажилъ головы и упалъ на козлы!...

Тщетно старался бы я возвысить здѣсь мой слогъ до величія описываемаго мною предмета. Да позволить же мнѣ просто передать то, что я видѣлъ и какъ я видѣлъ, и выразить то, что я чувствовалъ.

Вотъ оно, послѣднее шествіе Великаго Императора — изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскую крѣпость. Навсегда покинулъ Онъ это жилище, гдѣ сердце Его испытало все волненія, неразлучныя съ Престоломъ, все виды семейной любви, все радости Отца, все надежды Монарха, гдѣ зрѣли Его думы, гдѣ Онъ повѣлывалъ и исполнялъ, откуда воля Его изъ конца въ конецъ двигала обширную Имперію. Изъ этого жилища, въ которомъ запечатлѣлись слѣды жизни, любви и духа Русскихъ Государей, переселяется Онъ въ другую молчаливую обитель, гдѣ священные останки Его обретутъ торжественный покой въ ряду Державныхъ Предковъ, почившихъ въ своихъ гробницахъ. Еще могила — еще звано въ фундаментъ наследственнаго престола Россіи — этого надежнаго ручательства въ развитіи и славѣ обширной Имперіи.

Но какъ ни коротко кажется это послѣднее шествіе, для насъ оно велико, какъ сама жизнь Покойнаго, — эта обильная дѣланіями и плодотворная жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, есть-ли на всемъ пространствѣ отъ Дворца до Царской могилы, хотя одно мѣсто, которое бы не могло напомнить о полезномъ или доблестномъ дѣланіи Великаго Императора?.. Но мнѣ бы хотѣлось вызвать только одно воспоминаніе, блестящее и радостное... Мы помнимъ счастливый день, когда кортежъ другаго рода проходилъ чрезъ ту же Адмиралтейскую площадь въ Зимній Дворецъ, мимо такой же огромной толпы, какъ и сегодня, но тогда исполненной радости. Звукъ колоколовъ, какъ и теперь, потрясалъ воздухъ, но то были звуки торжественныя, праздничныя... Прекрасенъ былъ этотъ день, когда Императоръ и Его Августѣйшія Наслѣдники съшли на встречу Высокой Невѣсты сіюшлаго Юлианова и красотою Цесаревича. Русскій Дворъ явился при этомъ торжественномъ случаѣ во всемъ своемъ Царственнымъ великолѣпіи. Какіе ослѣпительныя роскошныя экипажи, какіе блестящіе всадники! Все мушкетеры, все гербы Имперіи блестяли на этомъ блестящемъ солницѣ, освѣщающемъ теперь печальную колесницу и гробъ Великаго Монарха, Которому Богъ даровалъ въ тотъ радостный день надежду, сбывшуюся въ послѣдствіи и безъ сомнѣній уладившую Его печальнѣйшую минуту. Въ этотъ торжественный день Императоръ Николай, въ Кавалергардскомъ мушкетерѣ и съ шпагою на рукѣ, скакалъ на прескрасномъ конѣ у дверей кареты Августѣйшей Невѣсты. Величественный Онъ былъ полонъ внутренней радости, которая ярко отражалась на Его царственномъ челѣ. Впереди неслись Черкесы въ своихъ стальныхъ кольчугахъ, какъ у древнихъ рыцарей, въ голубыхъ чепчикахъ, съ воронеными саблями, съ княжатами богато украшенными. За нимъ блестящіе кавалергарды съ бѣлѣзиемъ ихъ возлюбленнаго Шефа — Императрицы Александры; храбрые казаки, гордые своимъ Атаманомъ — Наслѣдникомъ Имперіи; Генералъ-Адъютанты и первые сановники Двора въ ихъ золотомъ шитыхъ мушкетерахъ. Императорское знамя радостно развѣвалось въ воздухѣ. Одна за другою слѣдовали парадныя кареты съ позолоченными украшениями. Впереди ихъ шли скороходы, за ними слѣдовали италийскіе мастера. И всюду балконы и окна были обвѣнчаны пріими тѣнами, и народъ бѣжалъ за пышнымъ поводомъ по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами, и громкое, симпатическое «ура!» раздавалось на пути Императора, Императрицы и Августѣйшихъ Обрученныхъ...

Не безъ основанія вспоминаю я объ этомъ блестящемъ торжествѣ въ виду печальнаго торжества, совершающагося сегодня. Безъ сомнѣнія, оно представляетъ тягостную противоположность съ этимъ печальнымъ шествіемъ, съ знаменами, обитыми крепомъ, съ опущеннымъ внизъ оружіемъ, глухими звуками барабановъ, унылымъ и смущеннымъ видомъ этой толпы при появленіи печальной колесницы... Но изъ этого торжества смѣрти исходитъ какое-то утѣшительное чувство, утѣшительное горестъ... То мысль, что это торжество — торжество жизни, доблестно посвященной долгу, торжество славнаго заслуженнаго имени великаго человека, которому и враги Его, — развѣ великій человекъ можетъ не имѣть ихъ? — которому даже враги его принуждены отдать спира величавость; торжество Христіанина, мужа правды, который доказалъ примѣнительность этихъ словъ Французскаго Короля, что «если правда и правосудіе будутъ изгнаны съ земли, то они найдутъ себѣ убѣжище въ сердцахъ Государей.» Наконецъ, это день, когда изъ-за безмерной скорби показывается радостный образъ потомства, покрывающаго лучами безсмертія славную память Великаго Государя, отшедшаго нынѣ въ вѣчность.

Печальное шествіе повсюду необходимо вызываетъ воспоминанія. Оно напоминаетъ самыя лучшія странности изъ жизни Великаго Императора; въ немъ видна высшая слава человека, увѣнчанная вѣчною славой, которая ожидала Его у порога могилы. Конечно, здѣсь не мѣсто, да и не мнѣ останавливаться на этой бездѣльной жизни, въ которой отразилась жизнь Государей, всюду возбуждающихъ къ себѣ

симпатическое удивленіе, Государей наиболее любимыхъ народами, простые нравы и высокія чувства которыхъ они бережно хранили въ своихъ преданіяхъ. — Да позволено мнѣ будетъ указать здѣсь на добраго и великодушнаго Генриха IV-го. Кому не известна эта черта изъ его жизни, когда испанскій посланникъ нечаянно засталъ его играющимъ съ мальчиками, которыхъ онъ возилъ на спинѣ вокругъ стола. Король повернулъ голову къ посланнику и, не измѣняя своего положенія, спросилъ его: «вы отецъ, г. посланникъ?» — Да, В. В-во, я имѣю дѣтей. — «Въ такомъ случаѣ я продолжаю», сказалъ Король... и докончилъ свою прогулку на четверенькахъ вокругъ стола. — Сколько же разъ иностранные посланники могли бы застать Императора Николая играющаго, какъ побѣдитель при Иври, съ своими внуками на коврахъ Дворца! Престола Его привычекъ доходила до суровости: Онъ имѣлъ скромный кабинетъ, маленькую спальню съ узкою кроватью, на которой обыкновенно укрывался Своею военною шинелью. Лица, имѣвшія честь поклониться Его священнымъ останкамъ вскорѣ послѣ кончины, видѣли Императора лежащимъ на этомъ сардакскомъ ложѣ. На неостывшемъ еще тѣлѣ была наброшена Его шинель, — Его обычный нарядъ и единственная роскошь.

Но сегодня все, что могло выказать въ полномъ блескѣ величіе Императора, окружаетъ Августѣйшаго Усншаго. Какъ описать этотъ пышный траурный поездъ, нечислительныя великолѣпныя принадлежности Царскихъ похоронъ, изобразить шествіе печальной процессіи, тѣ сожалѣнія и слезы, которыя ее сопровождаютъ?

Печальный звонъ колоколовъ не перестаетъ оглашать воздухъ... На улицахъ тѣсною толпою стекается любопытный, но скромный и грустный народъ; кортежъ началъ свое медленное и мѣрное шествіе, — онъ развивается. Впереди его влѣтъ верхомъ церемоніймейстеръ и даетъ направленіе шествію. Проходятъ хоры музыки, эскадроны кавалеріи, роты гвардіи, конюшенные офицеры, придворные лакеи, скороходы, камеръ-лакеи, нажи съ ихъ офицерами. Это первое отдѣленіе кортежа. Слѣдующее за нимъ, какъ и все остальное, открываетъ особымъ церемоніймейстеромъ. Вотъ знамя Императорской Фамиліи и военное. Эти знамена опущены, эта лошадь полъ богатою попоною, ведомая двумя Штабъ-Офицерами, безпокойно бьетъ ногою въ землю и, кажется, спрашиваетъ, почему не несетъ она на себѣ сегодня своего обычнаго всадника? За нею слѣдуютъ гербовыя знамена областей, составляющихъ обширную Русскую Имперію: Ростовское знамя, Казанское, Астраханское, Новгородское, Московское... Я насчиталъ ихъ болѣе 40. Потомъ проходятъ другія знамена — вотъ черное знамя съ русскимъ государственнымъ гербомъ и за нимъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, ведомая двумя чиновниками. Вотъ рыцарь въ золотыхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, верхомъ на лошади, покрытой роскошнымъ чепракомъ, за нимъ пѣшій латникъ въ черныхъ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ, опущеннымъ внизъ. Сколько трогательнаго въ этой аллегоріи: кто не узнаетъ въ ней жизни и смерти, радости и горя, торжества и могилы! — Далѣе несутъ гербы: Сибирскій, Финляндскій, Польскій, Астраханскій, Казанскій, Новгородскій, Владимірсскій, Кіевскій и Московскій; потомъ государственный большой гербъ, предшествуемый и несомый Генералъ-Маіорами, при ассистентахъ изъ Штабъ-Офицеровъ. Далѣе слѣдуютъ все государственныя сословія, представляемыя ихъ депутатами: пехи, общества, правительственныя мѣста, учебныя заведенія, Министерствъ, Сенатъ, Государственный Совѣтъ.

Кортежъ продолжаетъ шествіе. Мимо насъ проходятъ два звзда Кавалергардскаго Ея Величества полка въ золотыхъ каскахъ. Вотъ иностранный орденъ Императора, несомые на золотыхъ газетовыхъ подушкахъ. Ихъ 34 и между ними и замѣтитъ французскій орденъ Св. Духа, учрежденный при законныхъ Короляхъ Франціи. Вотъ ордена русскіе, короны Царствъ и областей, присоединенныхъ къ Россіи: Царства Казанскаго, елвонная, въ восточномъ вкусѣ и усыпанная драгоценными камнями; Астраханская, съ огромнымъ изумрудомъ на верху и множествомъ алмазовъ, жемчуга и яхонтовъ; Сибирская, изъ золотой парчи и также богато-украшенная драгоценными камнями, и другія. За ними слѣдуютъ государственныя регалии: Держава, Скипетръ и Императорская корона. Вотъ эти знаки и символы предшествующей печальной колесницѣ, представляющая величіе Россіи и высокое достоинство ея Императора.

Вотъ торжественное шествіе Духовной процессіи. Пѣвчіе, Дьяконы и Протоѣвѣяны, Священники, Архимандриты, Архіереи и Пресвященный Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, Придворные Пѣвчіе, Придворные Протоѣвѣяны, Священники съ Св. Иконами и за ними духовникъ покойнаго Государя. За Духовною процессіей слѣдуетъ печальнѣйшая колесница, обитая серебряною парчой съ высокимъ багдахисомъ изъ той же матеріи. Шаровый гробовой покровъ — изъ золотой парчи; онъ весь

устья русскими орлами и по краям обшить горностаемъ. Четыре Генерал-Адъютанта окружаютъ гробъ, стоя на ступеняхъ печальной колесницы, запряженной восемью лошадьми, подъ богатыми поносами. Генерал-Адъютанты и Генерал-Майоры Сивы Его Величества поддерживаютъ кисти по крови. По обѣ стороны печальной колесницы шестъдесятъ пажей несутъ зажженные факелы, красное, колеблющееся пламя которыхъ бросаетъ чудный отблескъ на печальное шествіе.

За печальною колесницею величественно шествуетъ Императоръ.—Сынъ благочестивый и преданный, провожающій гробъ обожаемаго Отца, съ душою, подавленою тягостно удерживаемыхъ рыданій...

Является и пробѣгаетъ рядъ траурныхъ каретъ: нужно ли именовать Членовъ Августѣйшаго Семейства? Проходятъ отряды пѣшей и конной Гвардіи съ крепкомъ, развивающимся на каскахъ и рукояткахъ сабель...

Кортежъ останавливается прѣвъ всеми церквами, находившимися на его пути: надъ гробомъ Благочестивѣйшаго Императора совершалась литія и снова начиналось торжественное шествіе при похоронныхъ звукахъ колоколовъ, печальныхъ раскатахъ барабановъ и стеченій народа, тѣшившагося на пути процессіи. Прошедъ мимо 4-го Кадетскаго Корпуса, кортежъ перешелъ Неву и по улицамъ стараго Петербурга достигнулъ крѣпости и Петропавловскаго собора, подъ сводами котораго почіють останки Петра Великаго и упокоится прахъ Его достойнаго преемника, Императора Николая.

Подъ священныя своды этого собора вступаетъ Великій Монархъ, чтобы величіемъ Престола облечь величіе могилы. Госдари, недавно могущественный, свято чтимый народомъ, обожаемый Султаномъ и Отецъ, проситъ себя здѣсь покоить, котораго не могли Ему дать обязанности Престола. Онъ Самъ за нѣсколько минутъ до смерти назначилъ мѣсто, которое желалъ занять здѣсь; ибо въ Своихъ послѣдній часъ, покончивъ съ дѣлами міра, Онъ до малѣйшихъ подробностей, съ явнымъ спокойствіемъ, отдавъ всѣ приказанія касательно Своего погребенія...

Вскорѣ народъ былъ допущенъ въ соборъ въ послѣдній разъ поклониться своему обожаемому Императору, облобызать Его оледенѣвшую руку и помолиться надъ Его гробомъ. Никогда и не видѣвъ зрѣвша величественнѣе этого гроба въ древнемъ храмѣ, гдѣ, казалось, блуждали державныя тѣни, на время оставившія свои могилы, чтобы присутствовать новой вѣчнаго тѣни...

Подъ балахонномъ изъ серебряной парчи, верхи котораго доходятъ до самаго свода, поконитъ гробъ Императора Николая на возвышеніи изъ итсколькихъ ступеней. Голова Монарха открыта и не надобно видѣть Императорской короны, лежащей у священнаго изголовья, чтобы узвать Госдара и Императора. При видѣ этихъ неодолимыхъ останковъ невольно приходитъ мысль, что нѣсколько дней назадъ, Великій Госдари былъ полонъ жизни и силы, и слезы льются изъ глазъ, печаль наливаетъ сердце... Какъ ни хотѣлось бы укрѣпиться мысленно о Божественномъ Промыслѣ, Которому угодно было этой преждевременной кончинѣ освѣтить славу Великаго Госдара, душа побуждается горемъ... Но заплативъ свою дань слезамъ, сердце укрѣпится мало по малу и оживаетъ утѣшительною мысленно, что эта общенная печаль и слезы по смерти Императора Николы выражаютъ не что иное, какъ счастливый союзъ Госдара съ подданными, взаимную любовь къ общему долгу и общему Отечеству.

К. де Сент-Жюльенъ.

5-го марта.

Воспоминанія о чеченской экспедиціи 1852 года.

30-го декабря 1851 года въ Назрановскихъ вратахъ Владикавказской крѣпости собрались саперная и нѣсколько другихъ небольшихъ командъ. Десятка два повозокъ казенныхъ, собственныхъ солдатскихъ и сбывательскихъ становились въ саженьхъ во стѣ за крѣпостью въ четыре ряда. Впереди военная музыка играла на прощанье. Выступающіе въ отрядѣ солдаты, въ полубухахъ, въ мохнатыхъ шапкахъ и ранахъ, смѣшивались съ остающимися дома товарищами, вышедшими на прощанье въ франтовскихъ шинеляхъ съ перехватомъ и въ фуражкахъ корабельномъ. Подрумяненные морозомъ лица были веселы и беззаботны; руки безпрестанно протягивались для поздравій. Нѣсколько бабъ голосило и хныгало въ разныхъ мѣстахъ для довершенія картины.

Скоро подали сигналъ. Одна команда поѣхала впередъ повозокъ, другая сзади, остальные по бокамъ. За тѣмъ колонна двинулась. Музыка отошла въ сторону, проиграла еще разъ и потонула въ крѣпости.

— Кто безъ ружей—назадъ! провожающіе—назадъ! закричалъ старшій офицеръ, разъякая впередъ и назадъ, и следовавшая за колонною толпа быстро стала рѣдѣть. Самыми усердными провожатыми оказались женщины. Наконецъ и онѣ распрощались, покинувъ колонну одну среди безконечной снѣжной равнины, сплошь поросшей гигантскимъ бурьяномъ, оставшимся на корнѣ съ осени, а можетъ и отъ нѣсколькихъ прошедшихъ лѣтъ. На Кавказѣ почти всѣ заняты войной, и недостатокъ рабочихъ рукъ такъ великъ, что едва десятая часть земли засѣвается или идетъ подъ сенокосъ. На остальномъ прострѣтаетъ новая весенняя трава пробивается сквозь засохшую старую, если степной пожаръ не очистилъ ей дороги.

— Къ чему такіа предосторожности, развѣ тутъ опасно? спросилъ я вѣдшаго около меня офицера.

— А вы, вѣрно, недавно изъ Россіи? сказалъ онъ вмѣсто отвѣта, поправляя свои длиннѣйшіе усы, ко-

торые росли не только на верхней губѣ, но и по двумъ сторонамъ подбородка.

— Сегодня ровно недѣля.

— То-то вы и спрашиваете! У насъ на Кавказѣ совсемъ другое дѣло. Здѣсь цѣлая. Вотъ и теперь: кажется все спокойно, и непріятеля нигдѣ нѣтъ; а изъ кустовъ, или изъ бурьяну, того и гляди посылаются пули.

— Да развѣ это непріятельская земля?

— Оно не то, чтобъ непріятельская: кругомъ станицы до крѣпости земля наша. Только Татары—хищное племя, гдѣ надѣются пожить, тамъ и залегаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, лишь бы уйти можно было безнаказанно.

Выслушавъ опытнаго воина, я сталъ оглядываться во все стороны, не увижу ли гдѣ непріятеля? День былъ морозный и ясный. Вправо отъ дороги темнѣли черныя горы, прорѣзанныя во всехъ направленіяхъ узкими полосами снѣгу. То матовая, то блестящая лѣзвизна этихъ полосъ составляла рѣзкую противополжность съ мрачнымъ цвѣтомъ горъ, покрытымъ обнаженнымъ отъ листьевъ лѣсомъ. Изъ-за чернаго хребта показывался снѣговой своими грозными, сплошь бѣлыми вершинами; а высоко надъ ними, въ самомъ небѣ, ярко горѣлъ на солнцѣ двуглавый съдой Казбекъ.

Высматривая между кустами Горцевъ, я проглядывалъ глаза. Свѣжій, чистый, зимній воздухъ и мѣрное качаніе въ снѣгу отъ вѣды шагомъ скоро дали совсемъ другое направленіе моимъ мыслямъ. Я сталъ любоваться дикою и величественною картиною горъ, не забывая, однакожъ, по временамъ оглядываться, чтобъ не увѣхать далеко отъ колонны. Подъ вечеръ, отъ непривычки къ походамъ и къ верхней вѣдѣ, я сильно усталъ, такъ что видѣ Назрановской крѣпости, въ которой мы должны были остановиться на ночлегъ, доставилъ мнѣ истинное наслажденіе. Квартирю можно было напастъ только у кого-нибудь изъ женатыхъ солдатъ, за невѣжествомъ другихъ жителей. Переночевавъ довольно спокойно, я съ новыми силами выступилъ въ станицу Суникенскую, куда мы пришли только къ вечеру 31-го декабря.

На половинѣ перехода, верстахъ въ 5-ти на с.-в. отъ поста Альдерханскаго, находится древняя часовня, знаменитая лежащими въ ней, негніющими трупами людей и животныхъ. Много разсказовъ и повѣрій ходитъ про эту часовню; нѣкоторые были даже начертаны. Въ извѣстіяхъ о Кавказѣ г. Броневскаго (Москва, 1825) устройство зданія описано очень подробно и вѣрно. Но трупы лежатъ теперь не въ часовнѣ, а въ нижнемъ, подземномъ этажѣ ея, внутри амбонемъ совершенно одинакій съ нею видъ. Въ то время человѣческихъ труповъ было шесть; они лежали на доскахъ, покрытые одеялами и разноцвѣтными одеждами. Теперь, чтобъ увидѣть ихъ, надо спускаться подъ полъ безъ лѣстницы. Это, впрочемъ, не очень трудно, потому что посреди погребка подъ отвѣтнемъ, соединяющимъ его съ часовней, навалена куча сору. Когда глаза привыкли къ темнотѣ, въ одномъ изъ угловъ поземелья видны стали три трупа: одинъ побольше, какъ будто мужской; другіе два поменьше, можетъ быть, женскій и молодого человека. Декали они не на доскахъ, а просто на землѣ и нѣсколько засыпаны были ею. Одеждъ никакихъ не было; а въ брюшной полости, около челюстей и вокругъ ногтей на рукахъ и на ногахъ даже тѣла вовсе не было. Въ остальныхъ мѣстахъ кожа и мускулы такъ засохли, что не издавали никакого запаха, и имѣли видъ стараго пергамену, склееннаго въ нѣсколько слоевъ.

Четыре заячьихъ трупа представляли различныя эпохи засыханія: два было совершенно сухихъ, третій еще пахнулъ, а на четвертомъ даже шерсть была цѣла въ итсколькихъ мѣстахъ. Несчастныя животныя вѣрно узнали въ погребѣ, спасаясь отъ преслѣдованій орла или шакала, и, не въ состояніи будучи выскочить, умирали отъ голода медленно и мучительно. Можетъ быть, этотъ родъ смерти, въ соединеніи съ сухостію грунта и возвышенностію мѣста, устраняютъ чіеніе. Погребъ почти до половинны засыпанъ землею, съ которой, вѣроятно, можно найти еще нѣсколько остатковъ людей и животныхъ.

Суникенская станица, по волѣ Госдара Императора, называется теперь Сльпцовскою, въ память основателя ея, храбраго Генерала Сльпцова, бывшаго Командира Суникенскаго линійнаго казачьяго полка и Начальника Суникенской передовой линіи, убитаго въ дѣлахъ противъ Чеченцевъ въ декабрѣ 1851 года. Дѣнь пользовался необыкновенною извѣстностію не только у своихъ, но и у Татаръ. Немирные боялись его какъ огня. Мирные и боялись, и любили. Любошь эту онъ снискалъ постояннымъ вниманіемъ къ ихъ нуждамъ и жизни. Говорить, не только дни рожденія любимыхъ дѣтей старшинъ, но даже любимыхъ ихъ деревья въ саду были ему извѣстны. Всѣ возможные просители имѣли право приходить къ Генералу во всякое время, и тотчасъ объяснять свои казобы.

Во время дѣла съ непріятелемъ Сльпцовъ былъ быстръ и горячъ, какъ порохъ. Набѣги дѣлалъ часто, далеко и почти всегда удачно, потому что облуданно. Имъ его сдѣлалось словомъ, приводившимъ въ трепетъ враговъ. Одишь-одинешенекъ всталъ онъ въ средину немирныхъ ауловъ, призывалъ старшинъ, требовалъ аманатовъ; и ихъ выдвигали, и ни одно пистолетное дуло не появлялось ни противъ груди его, ни за спиною.

Все это пишу я по слухамъ. Генералъ Сльпцовъ убитъ за двѣ недѣли до пріѣзда моего на Кавказъ. Но слава его всегда будетъ жить между кавказскими войсками. А теперь отъ Чернаго моря до Каспійскаго не найдете человека, у котораго не воодушевилось бы лицо и не заблестали глаза при одномъ имени Сльпцова.

Послѣ трехъ дней довольно однообразнаго похода,

мы пришли въ крѣпость Воздвиженскую. Кругомъ раскидывалась все также пустыня, зарѣзанная бурьяномъ, уставная чеченскими кладбищами, единственными останками бывшихъ когда-то богатыхъ ауловъ. Горы также грозно смотрѣли съ правой стороны. Маленькія рѣчки безпрестанно пересѣкали дорогу и замедляли походы. Въ степи обозъ шелъ въ нѣсколько рядовъ, а при переправахъ долженъ былъ вытягиваться въ одну повозку; потому что удобныхъ переваловъ было всегда только по одному. Да и въ тѣхъ приходилось саперамъ поправлять поврежденія, произведенныя прибылью воды во время большихъ дождей. По колѣна въ воду, съ топорами въ рукахъ, работали саперы цѣлые часы, чтобъ сдѣлать между берегами проруби и измѣлчать въ нихъ ледъ. Быстрота теченія не позволяла льду достаточно окрипнуть, отчего лошади проваливались и портили себѣ ноги обѣ острые края льдинъ.

Пока на переправѣ раздавались пощучанія возницъ, и длинный, безъ перерыва, крикъ солдатъ, помогающихъ своимъ лошадакамъ вывозить на гору—впередъ, саженьхъ во стѣ, остановившіяся авангарды затаиваются боевую пѣсню. Стучать бубны и турецкіе барабаны, по-солдатски называемые тудубасами; звенять тарелки и трюгольнички. Во всехъ направленіяхъ появляются костры изъ сухой травы и чего Богъ послалъ. Вокругъ образуются группы гвѣющихся и закусающихъ по мѣрѣ средствъ; аппетитъ есть у каждаго и беречь его не къ чему, потому что обѣда нѣкогда готовить; сухари звонко хрустятъ между зубами; временемъ слышится бойкая шутка и оглушающій смѣхъ, какъ будто во время роскошнаго завтрака, запиваемаго кахетинскимъ виномъ. Все весело, беззаботно! Только пикеты пытливо поглядываютъ во все стороны, наблюдая за общою безопасностію.

Между встрѣчавшимися рѣчками, не шире 3-хъ сажень и не глубже полутора аршина, былъ и Валерикъ—рѣчка смерти, прославленная незабвенными стихами Лермонтова. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы чрезъ нее проходили и притомъ зимой, въ морозъ, когда кругомъ или снѣгъ, или замерзшая грязь,—поэтическаго ничего не было.

На одинъ изъ ночлеговъ, именно въ Урусъ-Мартанъ, пришли мы около полуночи. На форштадѣ и въ крѣпости огни были давно потушены, о квартирѣ нечего и думать. Въ первый разъ въ жизни мнѣ надо было ночевать въ жильѣ, зимой, на морозѣ и на снѣгу. Задумавшись, сидѣлъ я у костра и слышалъ за солдатами, хлопотавшими около палатки. Мнѣ казалось, что мнѣ непременно придется или простудиться, или заболѣть.

— Что пригорюнились? спросилъ меня Семенъ Ивановичъ, тотъ самый офицеръ съ неизвѣрными усами, который нанугалъ меня Черкесами на первомъ переходѣ. Дорогою мы часто вѣхали рядомъ, много разговаривали, вмѣстѣ завтракали и сдѣлались большими пріятели.

— Устали вѣрно, или про русскихъ красавицъ вспоминаете? продолжалъ онъ, усаживаясь у костра подлѣ меня, и доставая двумя прутиками горячій уголь, чтобъ закурить свою крошечную тавлицкую трубку.

— Квартиры не досталъ, отвѣчалъ я, приходится въ палаткѣ ночевать. Просто бѣда!

— Отчего?

— Замерзнуть боюсь, Семенъ Ивановичъ!

— Помилуйте, да въ палаткѣ ночевать—это первый сортъ; такую жару можно сдѣлать, что не высидишь. Стоитъ только посреди вырыть ямку, и наложить горячихъ углей; а если яма большая—такъ и париться можно, точно въ банѣ. Не вѣрите? да солдаты въ зимнихъ отрядахъ за-частую такіа бани сдѣлываютъ, особенно, если настоящихъ нѣтъ въ ближайшемъ укрѣпленіи.

Плохо вѣрить такимъ чудесамъ; но когда все наставленія Семена Ивановича были исполнены, я убедился, что это не совсемъ неудобно. Теплота поддерживалась пока угли не погаснутъ, тогда подкладывали новыхъ изъ костра. Сначала еще было немного угарно; но когда перегорѣли корни и трава на днѣ и на бокахъ ямы, воздухъ сдѣлался легокъ и чистъ. Одно неудобство—холодъ прохватывалъ до костей, даже подъ шубой, если она дѣлала подложить свѣжихъ углей.

Крѣпость Воздвиженская, куда пришли мы 4-го января ввечеру, построена на плоскости верстахъ въ десяти отъ подошвы горъ, противъ Аргунскаго ущелья. Тотчасъ за южными воротами равнина оканчивается отвѣснымъ обрывомъ сажень на пятьдесятъ, а внизу течетъ Аргунъ, имѣющій характеръ, общій всемъ горнымъ рѣчкамъ.

Воды въ нихъ немного, не глубже двухъ аршинъ, срединю глубиною и все онѣ не шире двадцати сажень, текутъ почти всегда нѣсколькими рукавами. Переменная безпрестанно направленіе, и унося верхнюю глину и растительную землю, рѣки вырываютъ себѣ широкое ложе, въ которомъ остаются только голые камни величинаю въ дѣтскую голову и болѣе. Чѣмъ быстрѣ теченіе, тѣмъ крупнѣе эти камни, окруженные водою и взаимнымъ треніемъ; мелочъ же уносятся волнами. Состоятъ изъ узкихъ лентъ воды и изъ широкой полосы обнаженныхъ камней, бѣловатыхъ какъ мертвыя кости, ложе рѣки дѣлаетъ очень непріятное, какое-то мертвенное впечатлѣніе.

Весенняго половодья не бываетъ. На плоскости выпадаетъ снѣгу очень мало, а въ горахъ онъ таетъ постепенно. Отъ этого лѣтомъ вода стоитъ на нѣскольکو футовъ выше зимняго уровня, и бываетъ мутна, а иногда совершенно черна, отъ пресыщенія оторванными отъ горъ частицами. По причинѣ высокаго воды, переправы лѣтомъ довольно затруднительны, а зимой почти во всехъ горныхъ рѣчкахъ можно найти бродъ на каждой верстѣ. При сильныхъ дождяхъ высота и быстрота воды увеличиваются не-

инотрино. Отъ мостовъ и мельницъ не остается следа и цѣныя груды камней переносятся съ одного мѣста на другое. Кроме того, и неприятель уничтожаетъ все постройки, отстоящія далѣе пущечнаго выстрѣла отъ станицъ и крѣпостей.

По мѣрѣ движенія нашей колонны впередъ, къ намъ безпрестанно присоединялись новыя войска. Въ то же время пришла сильная колонна изъ Грозной; такъ что 4-го января къ вечеру въ крѣпости Воздвиженской собралось около 10,000 пѣхоты и кавалеріи съ 24-мя орудіями. Начальникъ лѣваго фланга, Генералъ-Маіоръ Князь Барятинскій принялъ командованіе надъ этими войсками, и на другой же день, 5-го января 1852 года, весь отрядъ перешелъ на правый берегъ Аргуна по постоянному мосту, поднялся на образуемые тутъ природою два уступа, повернулъ внизъ по теченію рѣки и, отойдя верстъ 10, расположился лагеремъ на мѣстѣ, гдѣ былъ некогда аулъ Башъ юртъ.

Мы были теперь уже въ Большой Чечнѣ, начинающейся за Аргуномъ. Вправо, по-видимому очень близко, чернѣлъ подернутый кое-гдѣ снѣгомъ главный хребетъ. Вълѣво урюмо стояли лѣтъ высокія горы, между которыми лежатъ Ханкальское ущелье, вѣнчаемое славою незабвеннаго Ермолова. Назадъ и впередъ и со всехъ сторонъ — тоже горы, только подальше, на самомъ горизонтѣ.

Въ ту же ночь восемь баталіоновъ пѣхоты и вся кавалерія выступили въ экспедицію подъ личнымъ начальствомъ Князя Барятинскаго. Пройдя по слѣдственной въ прошлыхъ годахъ шалинской прорубкѣ до перерубающей ее поперегъ большой канавы, называемой окономъ Шали, и переправившись чрезъ него, отрядъ направился на Автуры, и съ разсвѣтомъ овладѣлъ этимъ ауломъ. Чеченцы, бѣжавшіе стрѣмглавъ отъ штыковъ полка Князя Воронцова, собрались на пройденной нами дорогѣ, завалили ее деревьями, переконали и раззорили мостъ.

Оставивъ въ Автурахъ полкъ Князя Воронцова, начальникъ отряда съ Тенгинцами и полкомъ Князя Чернышева пошелъ на аулъ Гильдигенъ, взялъ и раззорилъ большую часть его и возвратился на ночь въ Автуры. Несколько хуторовъ и небольшихъ ауловъ, бывшихъ на дорогѣ или близко, преданы пламени. Со всехъ окрестностей жители присоединились къ Шамилю, прибывшему въ тотъ же вечеръ. Бѣднѣ отрядъ сталъ возвращаться по старой дорогѣ, каждый шагъ стоилъ бы крови... Но Князь Барятинскій, занявъ Автуры по-прежнему, двинулся на другой день утромъ на Ведени. Въ этомъ горномъ аулѣ собрано было много запасовъ, и жло семейство Шамиля въ домѣ, построенномъ на русской ладъ. Вся толпа Чеченцевъ бросилась въ обходъ, вправо, по скатамъ Черныхъ горъ, чтобы предупредить насъ въ Веденскомъ ущельи. Мы шли тихо и остановились на четвертой верстѣ, будто бы для отдыха. Такимъ образомъ, давъ время всей неприятельской партіи собраться впередъ, Князь Барятинскій повернулъ назадъ на старую дорогу. Шамиль поспѣшилъ опять занять ее. Чрезъ это неприятель два раза пробѣжалъ около Автуровъ по дугѣ, что составляетъ верстъ около пятидесяти. А между тѣмъ отрядъ уже шелъ чрезъ лѣса по узкой дорожкѣ мимо Садъ-Юрта. Должно быть она была давно оставлена, потому что саперамъ пришлось убирать хворостъ и цѣлыя деревья, загромождавшія ее почти сплошь, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ дѣлать перевалы чрезъ узкія, но глубокія канавки.

Чеченцы, конечно, знали дорогу; но не думали, чтобъ Русскіе рѣшились по ней идти. Поздно догадались они о нашемъ направленіи и только шесть человекъ убило у прикрывавшихъ отступленіе Тенгинцевъ. Мимоходомъ два баталіона полка Князя Воронцова взяли и разорили андійскіе хутора.

Въ оба дня убито нижнихъ чиновъ 1, ранено 24. Русскій человекъ не любитъ восхвалять своихъ подвиговъ; онъ болѣе дѣйствуетъ, чѣмъ говоритъ и пишетъ. Это не значитъ, однако, чтобъ славныя дѣла не были отбываемы и не жили въ памяти каждого, даже между солдатами. По окончаніи дѣла, у палатки маркитанта, или гдѣ-нибудь у костра, собирается кружокъ. Малорослый егеръ рассказываетъ о молодецкой удачѣ начальника или товарища. Усатый, въ сапожій греналеръ, съ важной миной и степенными ухватками, повѣствуетъ какъ чуть не пришлось ему попробовать шашекъ трехъ гололобыхъ, да двухъ успѣлъ самъ штыкомъ свалить, а отъ третьяго соевѣдъ въ пѣни выручилъ. Широкогрудый саперъ вспоминаетъ, какой страхъ наведенъ былъ удачнымъ взрывомъ на Татаръ, и какъ одинъ изъ нихъ сошелъ даже съ ума, бѣгаетъ около своихъ убитыхъ, да руками машетъ. Еще кто-нибудь сообщаетъ, какъ въ самую пору подошла къ нимъ вырочка, и какъ ловко накрили подавшихся назадъ враговъ будто изъ земли выросшіе драгуны. И все это говорится безъ малѣйшаго хвастовства, совершенно просто, какъ въ горлахъ толкуютъ о погонѣ. О невообразимомъ же терпѣніи русскихъ, о хладнокровной рѣшимости, съ какою солдаты спокойно идутъ на штурмъ заваловъ и явную смерть... о стойкости при отступленіи, самомъ затруднительномъ актѣ кавказской войны... обо всемъ этомъ, какъ совершенно обыкновенномъ, ив слова.

Изъ такихъ-то рассказовъ послѣ каждого дѣла составляется своеобразная солдатская реляція. Переходя изъ устъ въ уста, она распространяется между всеми и превращается въ преданіе, очень часто вспоминаемое въ походной бесѣдѣ. Въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ впечатлѣніе, произведенное славнымъ подвигомъ или блистательнымъ дѣломъ, бываетъ такъ сильно, что приводитъ въ восторгъ какого-нибудь ротнаго барда и на свѣтъ является пѣсня.

На третій день послѣ автуринскаго набѣга загремѣла про него пѣсня въ полку Князя Воронцова, а на четвертый — во всемъ лагерѣ.

Конечно, нельзя было требовать отъ нея изящества, выраженія, глубины мысли и другихъ затѣй; очень часто удареніемъ жертвовалось развѣтриваніемъ. Она только показывала, какъ рѣзко подѣйствовало дѣло 6-го и 7-го января на воображеніе всѣхъ, и въ особенности самыхъ безпристрастныхъ судей — солдатъ.

Послѣ этого набѣга два дня отрядъ ходилъ на рубку лѣса для продолженія шалинской прорубки. Въ этихъ рубкахъ участвовало только по четыре человека саперы, смотрѣвшихъ, чтобъ деревья и хворостъ были подрубиваемы у самаго корня. Иначе мѣстность, хотя и сдѣлается открытою чрезъ уничтоженіе лѣса; но по-прежнему будетъ неудобна для безпрепятственнаго движенія кавалеріи и артилеріи.

Остальные саперы приготовили фашины. По приказанію начальника отряда, принято было за правило возить съ собой въ набѣги до полутораста фашинъ для закидыванія небольшихъ сухихъ канавъ и искусственныхъ ручьевъ, которые всегда находятелъ вблизи ауловъ, и служатъ или для разграниченія полей или для орошенія ихъ. Фашины перевозились на транспортныхъ повозкахъ, назначаемыхъ подъ раненыхъ. Если раненыхъ не было, неутиребленные фашины привозились назадъ въ лагерь. Въ противномъ случаѣ ихъ выбрасывали по мѣрѣ надобности.

Съ 9-го на 10-е января, въ часъ ночи, часть отряда, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Меллера-Закомельскаго, выступила въ новый набѣгъ на Мезонискіе аулы. Шли къ нимъ по узкой и извилистой лѣсной дорожкѣ. Этотъ побочный путь былъ предпочтенъ, потому что давалъ возможность подойти незамѣтно. Опасность отъ нашихъ набѣговъ въ Большой и Малой Чечнѣ такъ теперь велика, что жители во всякое время года содержатъ на главныхъ дорогахъ сторожевыя пикеты. Открывъ движеніе русскихъ войскъ, эти пикеты дѣлаютъ нѣсколько выстрѣловъ, и скачутъ въ аулы, чтобъ уведомить жителей, тотчасъ убѣгающихъ въ лѣса.

Саперы были въ авангардѣ, а я пошелъ нѣтъ прѣшкомъ, потому что заспавшіеся фуртигаты не успѣли освѣтять лошадей. Мы шли по снѣгу глубиною четверть въ дѣть. Сильный ночной морозъ заставлялъ солдатъ дѣлать широкій шагъ. Я отставалъ все болѣе и болѣе, и, не смотря на холодъ, былъ все какъ въ огнѣ. Вотъ уже середина отряда, потомъ арріергардъ. Меня перегоняютъ и перегоняютъ. Наконецъ я очутился между отсталыми... Еще полверсты и я былъ бы одинъ среди лѣса. Картины смерти и пѣтну со всеми его ужасами живо представились моему воображенію; а силъ идти далѣе рѣшительно не было. Я остановился чуть не съ отчаяніемъ, самъ не зная что дѣлать. Но счастливо отрядъ остановился. Не смотря на страшную усталость и одышку, я пробрался между солдатами, орудіями и лошадьми къ своей командѣ и опустился на снѣгъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Мы вышли на поля, засвѣтанныя въ это время мансомъ, и стали стронуться къ бою. Съ восточной стороны, надъ вершинами горъ, небо начинало уже бѣлѣть, но въ долину мракъ еще не разсѣялся. Аулы были въ двухъ верстахъ, но нападенія надо дѣлать въ самый разсвѣтъ.

Увидя меня на снѣгу, проѣзжавшій мимо Семенъ Ивановичъ остановился.

- Что это вы лежите? спросилъ онъ.
- Усталъ крѣпко.
- А гдѣ же ваша лошадь?
- Я въ шномъ. Не успѣли освѣтять лошади.

Опытный въ походной жизни, Семенъ Ивановичъ не могъ объяснить себѣ такой оплошности съ моей стороны, и пожурилъ меня самымъ менторскимъ тономъ.

— Выпейте-ка спирту для подкрѣпленія. Это вредно, грибавилъ онъ, и, какъ человекъ занятый, тотчасъ отъѣхалъ отъ сѣзда опустевшую камышею походную фляжку.

Жажда томилъ меня, а снѣгъ, проглатываемый кусками, еще болѣе возбуждалъ внутренній жаръ; и жаркою жидкости я освѣжился и могъ идти далѣе вмѣстѣ съ отрядомъ, который двинулся спустя нѣсколько минутъ.

Когда мы вышли на позицію, впередъ пролегала дугообразно ложбина шириною въ полупушечный выстрѣлъ, прикрывая нашъ фронтъ и фланги. Посрединѣ ея извивалась рывина съ отвѣсно-обрывистыми боками и вымерзшимъ ручьемъ, на шѣ. За ложбиною были Мезонискіе аулы, раздѣленные на двѣ группы: одна дѣлала довольно большое ровное поле, очень удобное для обстрѣливанія артилеріею съ нашей позиціи.

Генералъ послалъ два баталіона Навагинцевъ влѣво на меньшую часть сакель. Всѣ жители бросились туда. Завязалась перестрѣлка, и становилась все жарче и жарче. Число Горцевъ на лѣвомъ флангѣ ежеминутно увеличивалось. Тогда направлена была туда три баталіона Князя Чернышева полка съ четырьмя орудіями. Они перешли чрезъ рывину по небольшому мостику и бросились въ штыкъ на главныя аулы, осипавъ ихъ предварительно картечью. Тамъ не было въ началѣ неприятеля, потому что Горцы отражали Навагинцевъ, и хотя бросались къ своимъ саклямъ, услышавъ о новомъ нападеніи, но на позиціи, раздѣлявшей обѣ группы сакель, были оставлены настѣльнымъ огнемъ 12-ти орудій, стоявшихъ въ центрѣ позиціи. Не выдержавъ убійственнаго огня, Чеченцы стали огибать обстрѣливаемое пространство, чего нельзя было сдѣлать скоро, — и правыя сакли были взяты прежде, чѣмъ хозяева ихъ подошли на помощь.

Все это время саперная команда прикрывала батарею орудій, громъ которыхъ чуть не сбивалъ меня съ ногъ. Я былъ въ первый разъ въ дѣлѣ, и съ любопытствомъ прислушивался къ сильной перепалкѣ, бывшей влѣвѣ. Осматривался кругомъ и выходилъ впередъ, чтобъ разсмотрѣть гдѣ Горцы. Но Чеченцы сражаются въ рассыпную и отлично примѣняются къ

мѣстности. Кроме какихъ-то тѣней, перебѣгавшихъ отъ одного дерева къ другому, пригнувшись къ землѣ, и ничего не видѣлъ. Ни одно ядро, ни одна пуля не свистѣла около ушей.

— Гдѣ же опасность-то? думалъ я, покуривая папиросу.

Вдругъ послышался крикъ на лѣвомъ крылѣ. Горцы были очень высоки, какъ будто женскіе, и переходили иногда въ визгъ. Что-то страшное, а не страшное отзывалось въ этихъ звукахъ.

- Вѣрно раненые кричатъ, подумалъ я!
- Экъ ихъ разгикало! Ну, должно быть тамъ жарко, сказала подлѣ меня саперъ!
- Что такое? спросилъ я.

— Да это Татары гичатъ, ваше благородіе, грозятся въ шашки ударить. А вотъ, ваше благородіе, и раненыхъ ведутъ.

Я пошелъ на встрѣчу. Они не кричали и не стояли. У нѣкоторыхъ только выраженіе лицъ было страждущее. Съ истиннымъ геройствомъ выдерживали они перевязки. Одному пробило пулею плечо насквозь. Вокругъ раны тѣло раскраснѣлось, кипѣло и распухло. Онъ только pokrивился и крикнулъ, когда пришлось повернуть руку, чтобъ свѣтъ подушубокъ. Другой оттолкнулъ фельдшера, и, перевязавъ себя прострѣленную икру, спокойно пошелъ къ повозкамъ, немного прихрамывая. Меня въ-чужѣ пробирала дрожь; а они ничего, какъ будто и не ихъ дѣло.

— Саперы! гдѣ саперы? послышался голосъ.

— Здѣсь! здѣсь! отвѣчалъ я, подбѣгая къ своей командѣ; а самъ думалъ: «вотъ и до насъ дѣло дошло; посмотримъ, что-то будетъ!»

Будучи первый разъ въ дѣлѣ, я старался слѣдить за малѣйшими движеніями своими. Служа еще въ Россіи, я всегда расширялъ старыхъ служакъ, что чувствуешь вступаешь въ дѣло? И никогда отъ нихъ не былъ удовлетворительны по неопредѣленности и неясности. Но что же происходило со мною? Выступая изъ лагеря и досадовалъ, что не успѣли освѣтять лошадей; на походѣ чувствовалъ усталость. На позиціи, когда уже отдохнувшись настолько, что вспомнилъ гдѣ я, мною овладѣло чувство очень прозаическое и вовсе не сильное. Но скоро я успокоился, не видя нигдѣ опасности. Когда позвали саперовъ, сердце у меня ёкнуло отъ ожиданія и неизвѣстности.

Саперамъ приказано было разорить мостики по возвращеніи орудій, бывшихъ съ баталіонами Князя Чернышева полка. Мостъ былъ несложный — въ балки, покрытыя накатникомъ. Однакожъ онъ довольно долго сопротивлялся нашимъ усиліямъ. Одна изъ балокъ была перерублена у обоихъ концовъ, но не отстала отъ накатника, и настилка осталась цѣла. Причину былъ окрышій отъ морозу слой сбитаго снѣгу и льду, покрывавшій мостъ на цѣлый футъ. Два человека съ ломами тоже не могли ничего сдѣлать. Я велѣлъ обчистить ледъ топорами и кирками и, поставивъ всю команду на мостъ какъ можно тѣснѣе, командовалъ: бѣглымъ шагомъ на мѣстѣ. Послѣ двадцати или тридцати скачковъ въ тактъ разшаталась настилка и подрубленная балка рухнула съ нами на дно канавы. Стоявшій неподалеку Генералъ улыбнулся и повернулъ лошадь; его свита засмѣялась; саперы отвѣтили веселымъ хохотомъ. Переловая цѣпь, стоявшая сзади насъ и слѣдившая за работою, подхватила этотъ хохотъ и она дружно пролетѣла по цѣлому авангарду.

Не смотря на двухсаженную глубину канавы, ушибленныхъ не было, потому что на днѣ лежалъ глубокой снѣгъ. Подсаживая одинъ другого, выкарабкались мы изъ канавы, живо построились и пошли назадъ, чтобы быть ближе всѣхъ къ лагерю и поправить дорогу въ случаѣ нужды. Да уже и время было. Человекъ восемьдесятъ Чеченцевъ съ страшнымъ визгомъ и съ шашками на-голо бѣжали къ мостику и нѣсколько пуль прѣжуужало между нами. Но я такъ забѣдился о сохраненіи порядка въ командѣ во время прохожденія мимо генерала, что не замѣтилъ ни пуль, ни криковъ. Картечь прогнала преслѣдовавшихъ насъ смѣльчаковъ, какъ только мы очистили мѣсто для ея дѣйствія.

Между тѣмъ полкъ Князя Чернышева стоялъ уже въ ротныхъ колоннахъ на прежней позиціи, ожидая насъ и Навагинцевъ, на которыхъ неприятель налеталъ очень сильно. Отходить нужно было шагъ за шагомъ. При малѣйшей поспѣшности съ нашей стороны, Горцы съ гикомъ бросались въ шашки. Тогда нужно было оборачиваться и встрѣчать враговъ штыками. Еще одинъ баталіонъ посланъ былъ на подкрѣпленіе.

Миновавъ войска, саперная команда остановилась позади повозокъ для раненыхъ.

— Что это съ вами, спросилъ я у стараго знакомаго Семена Ивановича, лежавшаго очень комфортабельно на повозкѣ съ неизбѣжною тавлицкою трубною въ зубахъ.

- Задѣли, проклятые, въ ногу, отвѣчалъ онъ.
- Какъ! Вы ранены? спросилъ я — и тяжело ранены?

— Ничего, стерпеть можно! Да какая пуля маленькая! Меньше орѣха. Посмотрите, пожалуста. Власовъ! подай пульку!

Я думалъ, что онъ станетъ жаловаться на боль, а толкъ пошелъ о величинѣ пули.

Вотъ, господа городскіе и деревенскіе жители, люди свѣтскіе! Вы, которые изображаете собою страдальцевъ, если у васъ заболитъ голова, дражируетеесь болѣзнями, зная, что за вами будутъ ухаживать, и забываете, что этимъ мучите окружающихъ васъ людей, которыхъ называете дорогими сердцу... Послалъ бы я васъ къ этому кавказскому офицеру, который занимается пулей, когда у него раздроблена кость, — къ раненымъ солдатамъ, которые острѣять, обливаясь собственной кровью. Эти размышленія мои прервалъ какой-то страш-

ный, затрогивающий за живое шумъ, и черная точка мелькнула надъ головой. Я обернулся посмотреть, что такое. Въ пятидесяти шагахъ позади рикошетировало ядро. Сдвлавъ еще небольшой скачекъ, оно покатилося и стало. Это было первое неприятельское ядро, которое я виделъ. Я не боялся, потому что не зналъ, что за звукъ поражаешь мой слухъ, и есть ли тутъ опасность.

Впрочемъ, даже сознательное чувство опасенія не очень сильно. Оно забывается когда человекъ занятъ исполненіемъ какого-нибудь приказанія, или когда выстрѣлы слишкомъ часты и вниманіе развлечено. Выходитъ, что ветераны, которыхъ и разспрашивать, были правы. Они шли въ дѣло беззащитно, безъ всякой особенной мысли, а я ткнулся изъ вѣжливости, чтобъ замѣтить что нибудь... и—ничего не замѣтилъ.

Когда Навагинцы присоединились къ отряду, мы пошли назадъ въ лагерь, сначала по маневрнмъ полямъ, потомъ по просѣкѣ, сдѣланной въ прошлую экспедицію. Чеченцы не преслѣдовали насъ, не смѣли показывать въ чистомъ полѣ. Изъ-подъ пушечныхъ выстрѣловъ мы тоже довольно скоро вышли, потому что сломанный саперами мостикъ помѣшалъ перенести чрезъ рывину единственное орудіе, которое имѣлъ неприятель.

Раисовъ: Офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 58; убито нижнихъ чиновъ 6.

Потерю неприятеля знать трудно, у нихъ и у насъ считается величайшимъ стыдомъ оставить тѣло убитаго товарища. А между тѣмъ два чеченскихъ трупа было принесено въ лагерь.

Къ вечеру мы возвратились домой. Предъ вступленіемъ въ лагерь Генералъ остановился и благословилъ войска.

Теперь надо сказать несколько словъ объ экспедиціяхъ и набѣгахъ вообще, пошататься изложить ихъ значеніе въ кавказской войнѣ. Должно помнить, что это не будетъ какой-нибудь научный взглядъ, а просто понятіе, составившееся въ умѣ человека, сълѣдовавшаго одну экспедицію и слышавшаго кое-что. Отъ изложенныхъ мною описаній набѣговъ также нельзя ожидать непогрѣшимости. Какъ фронтальной офицеръ, прикованный чувствомъ долга къ своей частей, я не могъ быть вѣдѣль и слѣдить за всѣми дѣйствіями. Я видалъ только кое-что,—объ остальныхъ слышалъ или догадывался. Но правильны-ли эти догадки, справедливы-ли слухи—рѣшиться невозможно. Другой, хорошо знающій кавказскую войну и кавказское положеніе дѣлъ, посмотрѣвъ надъ иткаторыми изъ моихъ понятій. Но я не Французъ, господа. Это Французъ страшаетъ смѣшнаго болѣе всего на свѣтѣ. Русскій человекъ боится быть нелюбимымъ и безполезнымъ.

II. Дьяченко.

9-го іюня 1852 г.
Ущелье Алагирское.

25-е декабря 1808 года.

(Разсказъ, заимствованный изъ «Сверной Ичелы».)

Смоленской губерніи, Бѣлскаго уѣзда, при церкви села Кострицы, съ незапамятныхъ временъ проживаетъ сторожемъ отставной кавказскій служака. Онъ худой, невзрачный старичекъ лѣтъ семидесяти, вѣчно улыбается и постоянно толкуетъ съ своими прихожанами о нашихъ настоящихъ врагахъ.

«Агличъ, говорить онъ, ужъ извѣстно, выжидая Французъ человекъ не хороший и волтерьянецъ, а Турокъ былъ бы лучше ихъ обоихъ, да зачѣмъ онъ въ тихомомъ пинное потягиваетъ и нехлестко маршируетъ?»

На дняхъ Трофимъ Александровъ, такъ прозывается сторожъ, явился или, лучше сказать, припѣлся ко мнѣ по дѣлу отъ священника. Въ эту минуту я прочитывалъ только что полученные послѣдніе номера Сверной Ичелы.

—Здравствуй, старина! молвилъ я.—Здравія желаю, ваше благородіе! что это вы никакъ редакцію читать изволите?—«Да, братецъ, вотъ послухай-ка», и я прочелъ старику дорожную для солдатскаго сердца вѣсточку о томъ, какъ истинно русскіе молодцы ( ) сыновья Царские, подъ вражьемъ огнемъ, обходили бастионы и укрѣпленія севастопольскіе, обдѣряя нашихъ витязей словомъ и дѣломъ.

«Голубчики вы мои, орлики бойкіе, стойкіе!.. въ Огдѣ—дѣтущки!» со слезами на глазахъ прошепталъ старикъ: «Вотъ, гля было умирать солдату-то важно-важнѣжно, такъ сказать на престѣяхъ!»

—«Вашеское благородіе!» продолжалъ солдатъ, какъ будто помолодѣвъ отъ какой-то счастливой мысли, и вытягиваясь въ струнку, сколько позволяли кости, помятыя черкесской винтовкой.

—Что скажешь, другъ мой? спросилъ я.
«Явите Божескую милость!.. Не откажите старику, познате карбованецъ до жалованья.—Изволю. На что же онъ тебѣ?»

—«А вотъ сейчасъ доложу». Служака привялъ отъ меня ассигнацію, подошелъ къ образу, положилъ земной поклонъ и поцѣловалъ бумажку.—«Душка ты моя, маленькая—не шербата, поди, гуляй, молодцамъ кланяйся!» Съ этими словами старикъ, перейдя къ столу, выразительно приподнял брови, дернулъ себя за усъ и сказалъ:

—«Изволю-ко писать, вашеское благородіе!» —Что же писать-то? —«Что, вотъ я, дескать, такой-то, это выходитъ меня назвать надо.. оченно благородію молодцевъ солдатшекъ севастопольскихъ, низко

имъ кланяюсь, поздравляю съ Царской даской, съ радостью сердечной, и послѣднюю серѣгу изъ ушка шлю на праздникъ той батарѣ, на которой пленулась, да Царевымъ дѣткамъ въ ножки поклонилась умница, заморская разумница, бомба-шеголиха... Такъ-то!» ( ) заключилъ старый служивый, весело захромавъ по комнатѣ.

—Что же ты, Александровъ, самъ-то неидешь на службу? улыбаясь спросилъ я, когда была окончена записка подъ диктовку служиваго. —Самъ-то, ваше благородіе? самъ-то я, изволите видѣть, какъ почуялъ ухомъ, что намъ клань кланули разотнѣлымъ, разутюженнымъ, вавашилъ крохотнью котомку на плечи, взявъ про-запасъ сапоги и шасть въ Смоленскѣ.

—Ну, что же?..

—«Не берутъ, вашеское благородіе, старъ, говорять, и немощь, а мнѣ, вотъ хоть отца Андрея спросите, только-что сельмой десятокъ пошелъ. А немощь-то моя вся ви почему, дребедень, некруное дѣло, вашеское благородіе!—Такъ вотъ какъ, стало бытъ, ты жемалъ на вторую? —На вторую-то.. автъ-съ, сударь, вторая ужъ провхала: двѣ отшатала.. на третью поровилась.. Не по-христіански со мной распорядокъ сдѣлали: немощь! Да мнѣ я, выходитъ, немощь?... Зачѣмъ такіи обиды строятъ? Вся-то и немощь только, вотъ изволите видѣть, нога перещибена, крестецъ, правда, не въ порядкѣ—съ горы Чернессъ-озорникъ сбросилъ, ну и въ ушахъ каждый разъ во весь колокола трезвоиъ, да подѣлывать маненько. Вотъ она напасть и вся-то тутъ!»

—Чтожь, братецъ, не сердчай на людей, отвѣчалъ я тебѣ резонно отказавъ въ твоемъ честномъ желаніи. Куда-жь тебѣ, старина, угнаться за нашими вихрями-молочаши!

—«Въ припрыжку бы пошелъ, ваше благородіе; русака бы на скоку затоталъ, въ припрыжку бы!» —Ну, а стрѣлять-то какъ бы ты сталъ? глаза-то у тебѣ ничего не видятъ. Царскій патронъ заларомъ бы у тебѣ пропалъ?—«Стрѣлять-то, оно конечно, ужъ поинче неспоривилъ, такъ за то, въ штыковой бы оказіи не положилъ охулки на руку... прикладцемъ бы; въль дрова-то рублю же, ваше благородіе».—То-то и есть, старина; вотъ говорить, что Англичъ съ Французомъ не болѣе жадуется русскаго штыка.

—«Слышалъ, батюшка, слышалъ—говорять, только наши на ударъ, а они и на попытнью; дескать мотри, Русскъ, какими гвоздими наши каблукки подбиты... Да что это, батюшка, Англичъ тотъ самый, что въ осьмомъ году вмѣстѣ съ Шведомъ на насъ пошелъ, аль другой какой?» —Тотъ самый. «Гм... знаю, прощелыга народъ! на чухонскомъ маслѣ орехъ разавить и пальца не заначаетъ; еще онъ хорошо голки дѣлаетъ. Вотъ и отецъ Андрей сказывалъ, что онъ, Англичъ-то, выходитъ, правдой не живетъ, вытарствомъ промашается; не хороша у него поведенія съ комплекціей... Наши, выходитъ, его выстригутъ, безъ мыльна тупой бритвой побрѣютъ; у шаго и ползвода зубовъ не досчиташься, а онъ, хомутъ атаккой, домой пишетъ: мы-де Русскіихъ видимо-невидимо положили, и видимо-невидимо въ полонъ залучили... А эвто, съ вашего позволенія, вотъ на что смахиваетъ, осмѣлюсь доложить: у насъ, примѣрно сказать, въ фузшерной ротѣ былъ солдатикъ Кузька Лупоглазый, что твой Англичъ, та кой же галюга, вытертый пятакъ; бывало, старой подметки не клади плохо—слынешь, какъ пите далъ. Вотъ-съ, вашеское благородіе, въ Персицкую, выходить, мы стояли лагеремъ на Вараксъ...—то есть, на Араксъ, любезный? подкасалъ я.—«Ну, да выходить по вашему, вашеское благородіе, Араксъ, по нашему Вараксъ... Да оно ужъ все равно, какъ се не називи, все на одномъ мѣстѣ останется... ужъ въ Балтицкомъ морѣ не покусится... я въль и моря-то тоже знаю, сударь! Вотъ-съ въ эвто-то время и прошельмовался Лупоглазый, да такъ канальски свѣчу засвѣтилъ, что и титнебилю досталось на капленье. Посадили, выходить, мальчику на палочный бекетъ. А питебелъ изъ постромокъ воиъ... никогда честному орунтовику не понадало, а тутъ вдругъ на, за атаккой, выходить, лизоблода, усъ разглазилъ!.. Онъ къ нему разъ пять ночью похаживалъ, да по маковъ поглаживалъ... Что жъ думаешь, вашеское благородіе? отсидѣлъ, озарникъ, вернулся въ роту, а мы его на зубокъ. «Что, Лупоглазый, выгладилъ тебѣ Гарасимъ Назарычъ, такъ прозынался нашъ питебелъ...»

—Что мнѣ, говорить... ему-то, т. е. выходить питебелю, вашеское благородіе, ему-то, говорить, болѣе вытерпѣлось, пусть хоть и разутюживалъ меня.

—Да какъ-же это, братику?—Да просто: я, говорить, выходить сидѣлъ, а онъ... потрудись-душа ко мнѣ ходилъ. Такъ-то вотъ выходить и Англичъ съ Французомъ: Русскій, говорить, двѣ версты провѣжалъ, и хотя штыкомъ забодалъ, да я таки, не двинувъ съ мѣста, заставилъ его проманежиться... А у кого тутъ ребра не дощупашься, вашеское благородіе?... поспрошайте у Англича, такъ онъ и скажетъ: я-дескать его измучилъ; разъ десять ходилъ, да меня колотилъ... А все, по-ихнему, ихняя вѣзла! Вотъ тебѣ и чуй тутъ! Въль оно жить-то неправдой кому грѣхъ запретилъ; да что, съ вашего позволенія, на исповѣди скажемъ, а каиъся придется и Англичу-выжигъ, и Французу-пустозвону, да чай Туркѣ некрещеному!..»

—Такъ ты, старина, побывалъ на порядкахъ въ работѣ? спросилъ я. —«Эвоя, ваше благородіе, всего досталось перепахать; видали мы видѣ-то! Коли службу да мать Россію любишь, семь вражьиыхъ душъ губишь, а осьмую причалъ, такъ вотъ тебѣ крестъ, аль медаль! —старая сухопутная, пѣ-

пеходная присказка... Ужъ вѣстнмо, въ нашемъ бытѣ, какъ заказано, такъ и приказано; солдату скажи, да укази, дескать вотъ тутъ душу положи... ну, тамъ она и израсходывалась. Да и то мѣнить, какъ съ Богомъ да за Царя-Батюшку авдѣи, не подвѣстывай, врагъ, далеко не увидѣшь! Да вы хотите слышать-то, вашеское благородіе? А и бы вамъ исторію разсказалъ... —Сдѣлай милость, товарищъ. Не хочешь-ли рюмочки? спросилъ я. —«Пѣтъ-съ, не могишь, сегодня Пятница. Такъ вотъ-съ я, на счетъ гисторіи-то», продолжалъ солдатъ, «все то есть къ тому примыкаю, на счетъ Англича... Въль у него все на дружинахъ, съ видомъ особеннаго увѣренія, сказавъ старикъ: «пули выдумалъ со свищемъ, треугольница съ начинкой, да и руку, примѣрно наметать, говорять!.. А отъ штыка—стрѣчка, а нашему солдату это и не повадно; въ нашихъ рукахъ штыкъ столько всякаго азарту надѣлаетъ, что отъ него, почитай, кажннй разъ врагу и холодно и жарко! Вотъ штыкомъ-то въ осьмомъ году, что мы провѣтали, изволте прислушаться:

«Въ четвертомъ году, по приказу Госу гареву, взяли мы Редуть-Кале ( ). Ужъ вѣрно Богъ попустилъ, случилось съ нашими горе-горькое: али ребитущи наши, не помолвивши Угоднику Николаю, пошли на славное дѣло, али что ни-насть сблудничали... въль всяко случается, ваше благородіе!.. только, говорю я, большой корабль «Тольская Богородица» ( ) и фрегатъ, запомитовалъ его прозвище, пришли къ редуту съ Бѣлевскимъ полкомъ, и высадили молодцевъ. Вдругъ, въ ночь, какъ забуровила погода, какъ расходилась моржа—не дай, не вынеси, не въль лавти, не въль лавти!.. вотъ словно взмылило море. Поглядишь, на утро, корабль нашъ и фрегатъ съ провангомъ и съ разными, выходить, цехазуами, улыбуились: вотъ словно по приказу ко дну пошли. Ахъ, ты напасть непрошенная! На чужой сторонѣ, безъ покровя, такъ сказать, а главное и на зубъ-то положить нечего, да и курка-то на часахъ отъ непогоды не схоронилъ... Какъ, выходить, въ атаккой аказіи, раскинуть умомъ-разумомъ? Извѣстнмо, наше разное дѣло кашниа, да квасокъ съ кауусткой, а тутъ кукурруза, да просо, вотъ тебѣ и все банкетъ, снара-льскій обѣдъ! А тутъ дожди, холода, непогодунка словно за одно съ Горнемъ на насъ прогнѣвалась. Къ лѣту половины отряда словно не бывало, какъ косою носило. Что дѣлать? Перекрестились, помолвились, да Богъ привелъ тамъ и зарыли разухабистыхъ Бѣлевцевъ.

«По лѣту пришли транспорты со всякимъ, выходить, угодемъ. Гуляй наша! Всякъ обзавелись; у иншихъ и носогрѣчки показались, т. е., по вашему трубки. Ну, просто зажили на престѣяхъ, такъ сказать, манерно съ колерцемъ. Въ Редуть-Кале протояли мы до осьмаго года. Пришелъ, изволите видѣть, канунъ праздника Рождества Христова. Вотъ насъ двѣнадцать человекъ съ удеромъ Сидорычемъ и послали на порубку дровъ. Сидорычъ, примѣрно, сказать, былъ малый оченно хороший; въ артели, бывало, первый запоеть, и первый запоеть, за то ужъ во фруктъ не клади ему пальца въ ротъ — по локотъ руки не дощупашься. Въ казармѣ человекъ, какъ есть человекъ, а ужъ на службѣ ни смигни — букваремъ смотреть! Вотъ-съ, изволите видѣть, нарубилъ мы дровъ, и идемъ отъ Ріона въ домовищу; да пиню разгульную закатываемъ. Вдругъ гиль: въ кустахъ словно барсуки лежатъ, прижавшись Мингрелецъ Утти. Сидорычъ къ нему: «Ты, дескать, дѣла-ча тутъ схоронился?» А онъ дрожитъ, вотъ какъ листъ осиновый —«Ай, говорить, уходите: въ укрѣпленіи нездорово». —«Что врлудилось?» говоримъ.—«Не хорошо, говорить: Турки съ разсвѣтомъ ударили на укрѣпленіе... часовыхъ перерзали въ одну минуту... Тепереча гарнизонъ-то, выходить, занеря въ казармѣ, да тамъ и отстанавается».

Сидорычъ потянулъ усъ, избоченился и молвилъ:

—«Ребята, слышали?»—Слышали, говоримъ.—«Ну, такъ, говорить, скинь шапки, перекрестись, да и въ дѣло! Помни преслигу, Богу молись, Царя-Батюшку люби, а службу вѣрно служи... Маршъ! работай, что скажу». Въль просто, вашеское благородіе, съ этакимъ-пострѣломъ-ухорѣзомъ, какъ Сидорычъ, и умирать-то охотно... Осмотрѣли ружья, подвинтили штыки, измолочились—и пошли. Этакъ, выходить, къ сумеркамъ добрѣлись до укрѣпленія; поглядишь—идеть работа въ объ руки. Турокъ добрался до казармы и шапками рубить двери, а наши изъ оконъ, кто отстрѣливается, кто дровами въ бритую голову посылаетъ.

«Вотъ Сидорычъ и говорить: «Стопъ, ребята! Минуточку вздохни, да помолись Николаю: сейчасъ пойдемъ!» по советѣ, вашеское благородіе, минуточку только и вздохнули.—«Ну, говорить Сидорычъ, выглядывай часовыхъ, и прямо болай штыкомъ, чтобъ не влкнулъ... Перекрестись! валай!» Какъ сказано, такъ, выходить, и сдѣлано—четырнадцать Азіатовъ какъ траву выкосили съ удара... просто съ удара! «Тепереча, говорить Сидорычъ, маршъ по бастионамъ, да живо!» Мингомъ захватили мы несколько орудій; заряды были близко; начинили одну пушечку-старушечку, да какъ картечью цыкаемъ по затылкамъ недруговъ... Турокъ-то, выходить, и ошалѣлъ, да тягу—оборониться неохотъ сталъ, такъ его въ подкидки хватилъ! Тутъ и солдатки бросились изъ казармы, ударили въ штыки, да семь верствъ гнали незваныхъ, а что въ рѣкѣ ихъ потонуло, такъ цѣлому баталіону по пальцамъ не сосчитали!..

«Вотъ-съ она и вся гисторія, ваше благородіе, а выходить изъ эвтого, что штыкомъ можно дѣло важное заправить!» заключилъ Александровъ.

В. Савиновъ.

Новоболарщина, 16-го декабря 1854 г.

(*) До взятія Русскими, въ 1804 г., этого укрѣпленія, оно называлось Кузевъ.

(**) Стопушечный.

(*) См. № 251-й «Русск. Цинал.» 1854 г.

(**) Деньги посланы по принадлежности.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. (J. de St.-P.)
Въ письмѣ изъ Константинополя, отъ 26-го февраля, въ Gazette du Midi объясняютъ слухи, распространившіеся объ атакѣ на Балаклаву:

«19-го числа, союзные генералы, узнавъ, что восемнадцать русскихъ баталіоновъ перешли черезъ рѣку Черную и двинулись къ Балаклавѣ, вздумали попытаться напасть на нихъ въ располхъ. Въ слѣдствіе этого двѣ французскія дивизіи и одна англійская (до 25,000 человекъ) подошли вдоль по рѣкѣ для занятія позиціи насупротивъ Русскихъ, чтобы атаковать ихъ съ разсвѣтомъ. — Въ полночь, во время ихъ движенія, пошелъ густой снѣгъ, и вскорѣ дороги сдѣлались непроходимыми. Генералъ Боске рѣшилъ, что должно немедленно отступить, и послалъ двухъ адъютантовъ для предупрежденія Англичанъ, чтобы и они сдѣлали тоже. Адъютанты сбились съ дороги, и не могли исполнить порученія. Прибывши на условное мѣсто, и не вида своихъ союзниковъ, Англичане тотчасъ-же отступили. Вся англійская экспедиціонная колонна успѣла возвратиться, полкъ за полкомъ, и такъ сказать ошущью, потому что вся окрестность представляла видъ обширной бѣлой скатерти. По счастью, генералы поддерживали войска въ безпрестанномъ движеніи, не позволяя имъ останавливаться. Благодаря этой предосторожности, поступило въ больницу только триста человекъ, тогда какъ могли произойти большія несчастія. — Въ этомъ случаѣ дѣятельность и истинно-отеческая заботливость генерала Боске напомнили такія же услуги, оказанныя имъ въ Африкѣ, когда онъ привелъ обратно французскую колонну, застигнутую снѣжнымъ ураганомъ.»

Англія. (Ind. V.) Сэръ Чарльсъ Напиръ напечаталъ въ Times длинное письмо, для объясненія своихъ дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ. Письмо это написано въ весьма умѣренномъ тонѣ. Вотъ извлеченіе изъ этого письма.

Сэръ Чарльсъ Напиръ утверждаетъ, что нѣтъ возможности подойти къ Свеаборгу безъ канонирскихъ шлюпокъ, не поставивъ вѣхъ для указанія пути. Сами Русскіе не могли бы плавать въ этихъ водахъ, ибо маяки были сняты. Достаточно было бы югозападнаго вѣтра, чтобы корабли были выброшены на скалы, о которыя разбились бы непременно.

Въ 1805 году, сэръ Сидней Смитъ погубилъ всѣ свои суда, сдѣлавъ неблагоприятное нападеніе на Булонь. Нельсонъ испыталъ тѣ же самыя затрудненія близъ Нила и подъ Копенгагеномъ. Лордъ Эксмутъ предпринялъ нападеніе на Алжиръ, среди лѣта и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни подводныхъ скалъ, ни мелей. Однако онъ не завладѣлъ Алжиромъ. Подъ Сентъ-Жанъ-д'Акрою погода стояла прекрасная, и однако невозможно было бы взять городъ при русскомъ гарнизонѣ. Сэръ Джемсъ Сомарезъ, не смотря на сильный флотъ свой, былъ отраженъ подъ Аджезирасомъ, и адмиралъ Дондакъ ничего не сдѣлалъ подъ Севастополемъ.

Нельсонъ и Коллингвудъ не могли атаковать ни Тулона, ни Кадикса, которые были менѣе укрѣплены, чѣмъ Свеаборгъ и Кронштадтъ. Лордъ Мо, лордъ Брайдпортъ и Сентъ-Винцентъ не атаковали ни Бреста, ни Лоріана, ни Рошфора, ибо заранѣе знали, что потерпятъ пораженіе. «Отъ чего французскій адмиралъ и я отказались атаковать Свеаборгъ? говоритъ сэръ Чарльсъ Напиръ. Отъ того, что не имѣли средства для нападенія. Входъ былъ блокируемъ. Если бы онъ былъ свободенъ, то мы и безъ канонирскихъ лодокъ водрузили бы наше знамя во внутреннемъ рейдѣ Свеаборга.»

«Я жалуясь на то, что адмиралтейство умышленно искажило мои намѣренія и измѣнило смыслъ ихъ, съ цѣлью побудить меня къ невозможнымъ предпріятіямъ. Я не могу представить письма, полученныя мною изъ адмиралтейства, но я могъ бы представить ихъ въ секретномъ комитетѣ, который взялся бы рѣшить споръ между мною и сэромъ Джемсомъ Грэмомъ.»

За тѣмъ адмиралъ объявляетъ, что доносилъ адмиралтейству о негодности многихъ судовъ и неопытности экипажей, дурно обученныхъ въ какіе нибудь два мѣсяца. 30-го мая онъ писалъ адмиралтейству, что Свеаборгъ и Гельсингфорсъ неприступны съ сухаго пути и съ моря. Свеаборгъ можно бы взять съ 50,000, а не 10,000 человекъ.

«Человекъ, считавшій себя способнымъ командовать флотомъ Ея Величества (ишетъ сэръ Чарльсъ Напиръ), сказалъ въ Палатѣ, что онъ и его товарищи полагаютъ возможнымъ атаковать Свеаборгъ однимъ флотомъ, тогда какъ за двѣ недѣли предъ тѣмъ онъ говорилъ, что для этой цѣли необходимо 200 канонирскихъ лодокъ и 50,000 чел. Онъ остановилъ французскую эскадру и суда адмирала Племриджа въ Киль, 2-го октября, когда узналъ о силѣ Свеаборга, а 9-го числа, когда узналъ, что это ошибка, отменилъ свое приказаніе. Отъ чего? Онъ еще не получилъ моего письма, въ которомъ я не одобрялъ проекта. Правда, онъ не совѣтовалъ мнѣ дѣлать нападеніе, если оно не обѣщаетъ успѣха, но для того только, чтобы избѣгнуть отвѣтственности въ случаѣ неудачи.»

«Онъ жалуется, что я не оказалъ должнаго уваженія адмиралтейству. Отъ чего же ни онъ, ни адмиралъ Беркелей не говорили мнѣ этого прежде? Хороши друзья, позволявшіе оскорблять меня въ совѣтѣ, между тѣмъ какъ сами они восхваляли меня. Я допускаю, что я писалъ однажды очень рѣзко, но я извинился въ этомъ передъ адмираломъ Беркелеемъ. Послѣ 4-го октября, оскорбленный, я писалъ энергическія письма, но они не заключали въ себѣ ни неповиновенія, ни дерзости; они были написаны тономъ честнаго человека, защищающаго свое достоинство.»

«Что касается до продолженія моей службы подъ начальствомъ сэра Джемса Грэма, то ничто не можетъ склонить меня на это. Ни одинъ офицеръ съ достоинствомъ не можетъ считать себя въ безопасности при такомъ министрѣ. Я обвиняю его передъ публикою въ томъ, что онъ перетолковалъ мои письма и побуждалъ меня погубить флотъ Ея Величества. Адмиралтейство и первый министръ отказали мнѣ въ удовлетвореніи, и мнѣ остается прибѣгнуть къ великодушію англійскаго народа, пока миръ не позволитъ мнѣ изложить вполнѣ все мое дѣло.»

— Изъ Парижа пишутъ въ Indépendance Belge отъ 12-го марта:

«Человекъ, которому вполнѣ извѣстны всѣ дѣла англійскаго кабинета, сообщилъ мнѣ странное извѣстіе. Онъ говоритъ, что въ министерствѣ лорда Пальмерстона существуетъ разногласіе, и что по мнѣнію многихъ членовъ кабинета, должно распустить Палату и немедленно сдѣлать воззваніе къ избирателямъ. Такого мнѣнія лорда Пальмерстона, который, замѣтимъ мимоходомъ, уже получалъ отъ Палаты всѣ суммы для продолженія войны. Нѣкоторые другіе члены, устрешенные очевиднымъ союзомъ торіевъ, ирландскихъ католиковъ и пилистовъ, готовы отказаться отъ своихъ постовъ, не будучи въ состояніи бороться противъ такого грознаго союза. Если не послѣдуетъ министерскаго кризиса, то послѣдуетъ распушеніе Парламента и притомъ

гораздо скорѣе, чѣмъ вообще предполагаютъ. Я сообщаю вамъ эти подробности, потому что онѣ почерпнуты изъ вѣрнаго источника, который никогда не обманывалъ меня относительно положенія дѣлъ въ Англии.»

«Недостатокъ войска такъ чувствителенъ въ настоящую мину, что въ Шотландіи есть цѣлые города, гарнизоны которыхъ состоятъ изъ одной мѣстной полиціи. Не смотря на благопріятныя вербовки, никто не записывается, и (кто повѣритъ этому!) составляются многочисленные митинги въ пользу мира.»

— (J. de St.-P.) Волонтеры начали поступать въ 1-й и 2-й баталіоны гвардіи, во 2-й кольдстримскій баталіонъ, и во 2-й же шотландскихъ стрѣлковъ. Отряды, которые отправятся для подкрѣпленія крымской арміи, будутъ состоять каждый изъ 200 человекъ 2-го баталіона гренадеръ, 150 человекъ 1-го кольдстримскаго баталіона и 150 человекъ 1-го баталіона шотландскихъ стрѣлковъ, всего изъ 500 человекъ.

— По увѣренію газеты Times, изъ Индіи, для подкрѣпленія крымской арміи, будутъ доставлены слѣдующіе полки: 8, 29, 53, 87, 98 бенгальскіе, 25, 43 легкіе мадрасскіе и 61, 89 бомбейскіе.

— (J. de St.-P.) Въ берлинскихъ журналахъ сообщаютъ, что многія лица, принадлежащія къ испанской шайкѣ дѣлателей фальшивой монеты, распространившейся по всей Европѣ и пустившей въ оборотъ значительное количество поддѣльныхъ банковыхъ билетовъ (англійскихъ), были арестованы какъ въ Берлинѣ, такъ и во Франкфуртѣ, и что прусскія начальства официально обратились къ британскимъ начальствамъ съ вопросомъ, могутъ-ли чиновники и другія лица, которыя содѣйствовали этому открытію, надѣяться на полученіе преміи отъ англійскаго правительства, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Изъ Лондона отвѣчали отрицательно, ссылаясь на то, что такое открытіе не имѣетъ никакой важности для англійскаго правительства. Билеты англійскаго банка, сказано въ этомъ отвѣтѣ, назначаются только для обращенія внутри Англии, а не на материкѣ, и потому принимавшіе ихъ сами виновны въ своей ошибкѣ; англійскій банкъ не имѣетъ никакого интереса во всемъ этомъ дѣлѣ, и такъ какъ это учрежденіе не можетъ быть обмануто поддѣльными билетами, то британское правительство совершенно равнодушно къ продолженію этого дѣла.

— (J. des Déb.) По извѣстіямъ съ мыса Доброй Надежды, голландскій генералъ Преторіусъ возвратился въ колонію, строго наказавъ кафрскаго предводителя Макапана за убійство юнга Погтитера, семи или восьми мужчинъ и многихъ женщинъ, сопровождавшееся самыми ужасными поступками.

Когда генералъ приблизился къ неприятелю, послѣдній укрѣпился въ глубокой пещерѣ длиною болѣе 2,000 футовъ, шириною болѣе 550 футовъ. Не рѣшаясь подвергать опасности войска въ этой мрачной и глубокой пещерѣ, генералъ рѣшился взорвать на воздухъ скалы, покрывающія пещеру. Это не удалось ему. Тогда онъ далъ приказаніе блокировать входъ въ пещеру и отрѣзать подвозъ припасовъ. Лишившись своего товарища, генерала Погтитера, убитаго неприятельскою пулей, Преторіусъ велѣлъ запереть наглухо всѣ отверстія пещеры съ помощію 1,500 телегъ дѣса и камней.

Кафры вскорѣ вышли ночью за водою; женщины и дѣти вышли измученныя жаждою и пали бездыханными на землю. Вскорѣ удалось открыть 38 кабаньихъ кыковъ, составлявшихъ часть добычи, захваченной дикарями у своихъ жертвъ; одинъ изъ кыковъ вѣсилъ 1,010 фунтовъ.